

А. ХАДАРЦЕВ

*БЕСПОКОЙНОЙ
ЖИЗНИ
ЗАКОУЛКИ*

Пула – 2008

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

А. ХАДАРЦЕВ

**БЕСПОКОЙНОЙ ЖИЗНИ
ЗАКОУЛКИ**

Стихи и проза

Тула – 2008

Александр Хадарцев – член Союза писателей России, с первой публикацией стихов выступил в альманахе «Ока» в 1990 году.

В 1992 году издает сборники стихов «Что нарисую я на полотне...» и «Любви не найден интеграл», в 1993 – «Углы России забелил туман», в 1995 г. – «Не торопись остановить часы», в 1996 г. – «Из Тульских засек голос мой», в 1997 г. – «Виртуальные надежды», в 1999 г. – «Витражей акварельные пятна», в 2002 г. – «У памяти преграды нет», «Извечных истин водопад», в 2003 г. – «Спичка жизни», в 2005 г. – «Крепка любовь в любое время года», в 2006 г. – «Из прошлого – в неясность» в 3-х томах, в 2007 – «Аромат прошлого», «Избранное».

В 2001 г. – публикуются подборки стихов в альманахе «Прикосновение», прозы – в альманахе «Прикосновение» в 2002 г. Его стихи и проза печатаются в сборниках и журналах: «Ветер времени на поле Куликовом» – в 2005 г., «Наука с музами дружит» – в 2005 г., «Приокские зори» – в 2005, 2006, 2007 гг., «Свет любви» – в 2006 г., «Гриф... и Странник...», «Пресс?! Под хрупкую?! Мечтой?!» – в 2007 г. Отдельные произведения напечатаны в газетах «Медицинская газета», «Тульские известия», «Тула вечерняя», «Тульская правда», «Жизнь Правобережья», переведены на болгарский язык в газете «Медицина» (София) и др.

А. Хадарцев – директор медицинского института Тульского государственного университета, доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Петровской академии наук и искусств, Международной академии творчества и др.

Хадарцев А. Беспокойной жизни закоулки.– Тула: ООО РИФ «ИНФРА», 2008.– 148 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN

© А. Хадарцев, 2008

© ООО РИФ «ИНФРА», 2008

*Какие
наши
годы?!!*

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

Нет ничего важнее чести –
понятно даже мудрецу.
Быть людям – преданным без лести,
а не конкретному лицу!

Но эти лица в полном сборе –
есть государство и страна!
И нет без личностей историй,
как океана нет без дна!

Мелькают прошлого страницы
с рыданьем порванной струны,
где пахнут южные границы
горелым порохом войны.

Там, где десантные «вертушки»
вращают копать и песок,
где молча осушают кружки
за тех, кто в вечности высок...

Где канонада с поля боя
жить не мешает никому,
когда уснуть готов хоть стоя,
давая отдохнуть уму...

В госпиталях – то жар, то холод.
Осколков извлеченных звяк.
Где в двадцать лет – уже не молод,
пройдя сквозь крошево атак.

Там и награды, и погоны –
такая, в общем, мишура!
Там пот и кровь, мольбы и стоны,
и там – на жизнь идет игра.

Пусть в мирных днях войны виденья
уходят в праведность труда!
Но ни секунды нет забвенья
слов: «Честь имею, господа!»

2005

СОСЕДЯМ...

Собачий год приблизился вплотную:
год огненных в своей натуре дел.
За прошлый год поднимем отходную!
Уходит петушиный беспредел.

Пусть никогда не плещется микстура
в хрустальных стопках новогодних дней!
Пуускай тебе везет, прокуратура!
Бокалы водкой наливавай полней!

За Новый год, не мыслимый без дружбы!
За старых дел распутанный клубок!
За женщин и за продвиженье в службе!
За максимальный всем по жизни срок!

2005

С НОВЫМ ГОДОМ!

Год огненной собаки отбрехался!
Декабрьский дождь скрыл Питер под водой.
Две тысячи шестой навек остался
с полониевой мерзкой ерундой.

Израиль с Палестиной, как когда-то,
сцепились в клинче в самый полный рост.
В Ираке – взрывы! В Думе – вновь дебаты.
Рождественский – не соблюдали пост.

Декабрь – к концу, но почки набухали,
зеленотравьем крылся зимний лес...
Друзья от безысходности бухали,
уже не веря в таинства чудес.

Приходит с хрюком год свинячерылый.
Кабаний запах. Трюфели и грязь.
Охотники про снеготроп забыли,
площадно на погоду матерясь.

Но все слышней предновогодья звуки!
И я, как доктор всяческих наук,
навстречу вам протягиваю руки
под братских тостов неизбывный хрюк!

2006

РОВЕСНИКАМ ВЕКА

Пускай никто из нас не «суперстар» –
все хорошо в нескучном нашем мире!
Никто из нас до сотни лет – не стар!
Но сквозь очки – мы видим много шире!

Видней, кто враг, кто друг, а кто – никак!
Слышней весенних нот чарующие звуки!
Понятней, почему вокруг царит бардак!
И почему в беде – не опускаем руки!

Нас не страшит досужая молва!
Не трогает в делах отсутствие участия
со стороны всех тех, кому важнее слова,
а не реальность истинного счастья!

Вступая в дни, где каждый год за пять
взметнули стрелки жизненных приборов, –
теперь не стоит широко шагать!
«Науку побеждать!» – не зря писал Суворов!

«Штык – молодец», затем, что «пуля – дура»!
Мы побеждали только в штыковой,
где пешек – нет! Где каждая фигура
за каждый бой ответственна собой!

За каждый год мы отвечаем тоже!
Не скорость и не ширина шагов
в преддверии ста лет – нам не поможет!
Реальность – только в искренности слов!

В спокойном ожидании удачи,
которая когда-нибудь придет!
В делах детей и внуков! Это, значит,
что нам бесценен каждый новый год!

2006

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПРИРОДЕ

Где Снежедь обегаёт Бежин луг,
водой холодной омывая берег,
там совпадает наш житейский круг
с понятием: люблю, надеюсь, верю!
Там ничего не значат «шестидесят»,
и – семьдесят, и – сто, и – даже боле,
пока глаза на этот мир глядят
и не дрожит стакан в хмельном застолье!

Наукой – очень трудно управлять,
когда она действительно – наука!
Ученым надо просто не мешать,
а поддержать – ещё полезней штука!
Бюджетных слез не хватит ни на что!
От жажды засыхает стебель знаний.
И даже, если выпьем мы по сто,
не видеть нам финансовых вливаний!

Но юбилей – на то и юбилей,
чтоб сбросить дел несделанных вериги
и стать для всех важнее и нужней,
чем суть любой, пусть сверхнаучной книги!
В заздравных тостах кроется тепло,
курится фимиам чуть скрытой лестии...
Так хочется, чтоб всем нам повезло
в большом пути, где бега нет на месте!

Пусть пенсия карманы тяжелит!
Пусть будет, кроме пенсии, – работа!
Пусть никогда нигде не заболит!
Пусть с каждым мигом хочется чего-то!
Ведь впереди – еще не мало дел!
Их и на сотни лет, конечно, хватит!
Кто хочет – сможет! Тот, кто захотел,
Своей судьбе лет сто еще накатит!

2006

КОРОВЫ НА СНЕГУ

В январе – грязный снег на обочине,
до Москвы остается чуть- чуть.
Парики на деревьях всклокочены,
в бесконечьи колéсится путь.

Вдруг машинная прыть поубавилась:
нет движенья почти целый час.
Может, просто ГАИ позабавилась,
иль дорога забыла про нас.

Как в военной былой кинохронике –
снежный хруст и мороз – будь здоров!
В мерзлом снеге, ну, чисто покойники,
неподвижные туши коров.

Кто рассыпал несчастных на трассе,
жизнь заставив струей вытекать,
снег – пурпурно-коричневым красить
и недвижно в крови замерзать?

Их на бойню везли, на заклание
для копченых московских колбас.
Но в животных жило понимание,
что последний приблизился час.

Сговорившись над кучей навоза,
взмахом туш и работой копыт
ограждающий борт скотовоза
ими был на свободу пробит!

Но свобода не всех принимает
и встречает в объятьях своих!
К сожалению, стадо не знает
этих истин, как чисел простых!

Им навстречу свобода – бетонкой!
Час последний буренок настиг!
Но надежда соломинкой тонкой
их дразнила в дразнилках своих.

О бетонку разбились желанья!
Только три разъяренных бычка
избежали судьбы наказания
и махнули в чащобу леска.

В них стреляли гаишники «метко»,
догоняли на лыжах и без...
Веер пуль срикошетила ветка
и сомкнулся таинственный лес.

Так и бродят, как дикие туры,
три бычка, озверевших за миг!
В память их вырезают скульптуры,
пишут сотни пугающих книг.

Значит, можно – на бойне, на шконке
быть свободным, как в лунке г...но!
Только тем, кто погиб на бетонке,
это, люди, теперь все равно!

2006

ЧТО ЖЕЛАЮТ ЖЕНЩИНЕ?

Что обычно женщине желают?
Счастья женского! А что это такое?
Может быть – размеренность покоя?
Или – состояние крутое?
Или – понимание простое?
Женщины – желания скрывают,
и в подушку по ночам рыдают,
потому что часто ощущают
муки одиночества – до воя!
Пусть не будет женщин – одиноких!
Пусть глаза их радость излучают!
Руки – нежной теплотой ласкают!
Теплоту ответную встречают!
Губы – в губы влагу получают!
Пусть живут без мелочей жестоких!
Пусть светлеют в помыслах высоких!
Не мельчают в истинах глубоких,
а мужчин – надежных выбирают!

2006

ОПЯТЬ ВОСЬМОЕ!

Непредсказуема погода,
как женщина, капризам верная!
И даже в день восьмого марта –
в мороз укутаны дома.
На подиум выходит мода
на хладнокровие, наверное!
Но будет стужи бита карта
и, все-таки, пройдет зима!
Мимозы желтые горошины
растопят снежное владычество!
Ручьями зажурчат безбрежными
ласкающие слух слова!

Стремленьем ко всему хорошему
полна Она! Ее Величество!
Касаясь нас руками нежными –
она воистину – права!
Ее права – не равноправие,
чтоб с мужиками силой меряться!
Она права заботой женскою,
своим умением любить!
Восьмого марта пьем за здравие,
за то, что можется и верится –
делиться радостью вселенскою
и дамам рыцарски служить!

2006

ХАНУКА

Эпоха Антиоха Епифана
была волной восстанья сметена.
И в этой смуте, по природе странной,
всем виделись иные времена.
В них старый Матитьягу был не лишним,
возвысив древний род Хашмонаим,
с Иегудой Маккаби и Всевышним
вошли евреи в Иерусалим.
От грязи и от скверны Храм очищен
и освящен влияньем высших сил!
Хоть храмовый светильник был начищен,
но от Меноры¹ свет не исходил.
И, вдруг, кувшинчик маленький с елеем!
Печать первосвященника на нем...
Народ, Всевышней жалостью жалеем,
смог осветиться вечности огнем!
Ниспосланного масла – не хватало,
рассчитан лишь на сутки был елей!

¹ Менора – храмовый светильник

А, чтобы масло ритуальным стало,
необходимо целых восемь дней!
Огонь пылал все восемь дней! Казалось,
хватило б масла и на целый год!
Так чудо – Ханукой тогда назвалось
и праздник получил святой народ!
Мезуза² – свиток, два фрагмента Торы,
два первые абзаца Шма. Иврит.
У двери дома справа, за которой
путь внутрь дома, где покой царит.
А свечи Хануки пылают слева,
дверь освещая с внешней стороны.
Непосвященность – песня без припева
в огромном мире, где дела равны!
Мезузы мицва³ не всегда блюдетсЯ.
Зато блюдетсЯ мицва Хануки!
Все в праздники евреям удаеТСЯ
субботному безделью вопреки!
Найди, еврей, кувшинчик с маслом чистым!
Воспламени огонь своей души!
На Хануку в сиянии лучистом
и нам полюбоваться разреши!

2006

ОСЕННЕЕ ПРОЩАНИЕ

Не поможет осень, не поможет
стать хотя бы чуточку моложе.
Потому что холод мелкой дрожью
остужает и морщинит кожу,
и ничто согреть ее не может...

Только в зиму осень не пускает –
то жалеет, то всю ласкает,
бабьелетним жаром угрожает,
тут же стылым ветром овеает,
снег – приляжет и тотчас растает...

² Мезуза – (дверной косяк – евр.) иудейский ритуальный предмет на дверном косяке

³ Мицва – требующее исполнения почитание

«Осень! Не спеши в зиму вливаться!
Не пристало холоду сдаваться!
Просто – надо солнцу улыбаться,
чистоте небесной – удивляться,
а весной – по-новой возрождаться!

Улыбнись мне, осень, на прощанье!
Знаю, будет новое свиданье!
Мы с тобой осуществим желанье
и дадим друг другу обещанье!
Слышишь, осень?» Но в ответ – молчанье...

2006

МОСКВИЧАМ

Как у вас в московской суматохе?
Так же грязь развозится колесами?
Так же на «крутых» ишачат лохи?
Так же озадачены вопросами?
Или переполнены ответами
лабиринты мозговой премудрости?
Или просто дружите с запретами?
Или сонно нежитесь по утрости?
Ну, а, может в скуке закисаете?
Дайте знать, исправим ход сознания!
Я летал в Махачкалу, вы знаете,
чтобы не сорвалось заседание!
Передал привет гористой местности,
чьей то колыбели приснопамятной!
Хоть была погода – в неизвестности
и назад летел не в полной памяти...
Не болейте! Годы наши множатся,
но здоровья рост не наблюдается!
Друг о друге – лишь друзья тревожатся,
как в старинных песнях отмечается.
Быть добру, любви и нежной чуткости!
Встречам – быть, пока надежда теплится!
Не страшны нам сказочные жуткости,
потому что в счастье очень верится!

2006

ДИЕТА В ОТЕЛЯХ

Расстилают отели постели,
ублажая заморских гостей,
чтобы те – на постелях потели,
от нагрузки – заметно худели.
Только слышен к исходу недели
круглосуточный лязг челюстей!
Море меры соленой не знает,
солнце жжет раскаленным лучом,
аппетит, как костер, разжигает.
Здравый смысл кое-как возражает,
но в огонь возраженья бросает.
Жар для жора – увы, нипочем!

Многоженство в жаре процветает,
если есть где арабам поесть!
Жир на пузе, как облако, тает,
и потребность в любви возрастает,
но без «жрачки» лишь мозг отдыхает,
если он у кого-нибудь есть!
За неделю не жди исхуданья,
хоть гарем на постель положи!
В дни тотального всепоеданья
и обильного всевыпиванья, –
веса тела идет нарастанье
и отказ покорять рубежи!

2006

НАВЕЯЛО

Когда погаснет вдохновенье –
наступит горечь темных дней!
Тогда и тем, и слов значенье
упрячут облака теней...
Иссохнет яблочная мякоть,
уйдя в морщины кожур...

И не придется больше плакать,
купаясь в блестках мишуры.
Утихнет гимн любовной жажды,
иссякнет рифм журчащий ток,
пока на склоне лет однажды
не вспыхнет юности росток!
Зазеленится нежным светом,
желая всем назло цвести,
а это значит, что поэтам –
придется в вечность прорасти:
под бугорком, в уединенье,
там, где живые не живут,
не помышляя о прощенье
за недосказанность минут...
Реальных дней былые краски
уста сомнением возбудят...
И нет конца у этой сказки,
и в юность – нет пути назад!
Об этом Ясная Поляна
листвой осенней прошуршит,
плеснув дождем на дно стакана,
пока зима не запуржит...

2006

ГОД КРЫСЫ

Кабаний год сдает свои права!
Крысиный год все ближе подступает!
От выборов кружится голова,
которой стать холодной подобает...

Но сердцу быть придется горячей,
чтобы согреть озябшие нейроны
от холода предвыборных речей
и цен, растущих под старушек стоны.

«Стабилизец» остался лишь мечтой!
Инфляция – подарок новогодний!
Грядет дефолт рассчитано-крутой,
с судов заморских сбрасывая сходни.

Мы, как всегда, надеждою сильны!
«Крысятничать» по жизни – не пристало!
Сейчас в нас Путин смотрит со стены,
как Ленин от Финляндского вокзала!

Нам, как всегда, предписано «пахать»
во имя снов грядущих поколений!
И не дано, по сути, выбирать,
кто зла пророк, а кто всемирный гений!

Пускай «крысиным» называют год!
С зубами! Значит, сможет прокормиться!
Январь-бездельник нас под елкой ждет,
чтобы не дать наутро протрезвиться!

Скрипит от мандаринов кожура.
Петард не слышно. Вроде – запретили!
Галдит, забот не зная, детвора...
Попса – на шоу, чтобы не забыли!

На Новый год «Ирония судьбы»,
как прежде, поздравляет «с легким паром!»...
С экрана смотрят старые грибы,
пропитанные крепким «Солнцедаром»...

Набат курантов, грусти вопреки,
шампанит жизнь, весну предвосхищая!
Поднимем выше стопки, мужики,
за наших женщин тост провозглашая!

По сути, мы все те же пацаны,
и те же быстроногие девчонки!
На оптимизм российский – нет цены,
поэтому бокалы наши звонки!

2007

ПУТЬ ПУТНИКА И ГРИФА

Парящим грифом в воздухопотоке
планируют два женские крыла
к огнебагряной рыжести пространства,
где вяжется метаморфозы новь.
Там лист березы в сушь упрятал соки –
с одним крылом судьба его свела...
Бумаги лист, как поле буквостранствий,
крыла второго оросила кровь.

Скрипичный гриф изогнуто-печальный
обнял усталый путник ненароком...
Струна всплакнула под смычком и сникла...
Как будто в бесконечности астральной
душа раскрыла таинства пророкам,
все знающим еще в начале цикла...

А, значит, вспыхнет зеленью весна!
Окрасит солнце первоцвет рожденья!
И воцарит Поэзия! Она,
как гриф и путник, в странности движенья...

2007

ВРЕМЯ ХАОСА

Кораблик наш – стеклянный парусник –
летит по жизни виртуальной!
Маяк надежд мерцает в старости
нам объективностью реальной!

Мигают в хаосе аттракторы⁴,
почти всегда до боли – странные!
Но внешне-внутренние факторы
меняют русла нежеланные!

⁴ Аттрактор (от англ. to attract – притягивать) – то, куда стремится система

Жаль, неизбежно все – кончается!
Диссипативность – в тело ломится.
Негэнтропия – начинается!
Быть может, что-нибудь обломится!?

2007

СВОИ И ЧУЖИЕ

Для тебя «мои» – всегда чужие!
Так уж, видно, в жизни повелось.
Нами правят разные стихии,
навеяв мысли вкривь и вкось!

«Чтоб ты сдох!» – заветное желанье
сквозь десятилетия суеты.
Близко исполненье предсказания...
Но за что, про что – не знаешь ты!

Видимо за годы (не из хилых!),
за потомков, за терпенья груз,
за доходы (больше был не в силах!),
и за не расторгнутый союз...

«Ты «своих» упорно защищаешь,
даже грязь с соседней колеи!»
Что сказала ты – сама не знаешь!
Я то думал: все они – твои!

А «свои» с «твоими» – это «наши»!
Их никто не сможет разделить!
Хлеб – так с солью, щи, конечно, с кашей!
По-другому и не может быть!

Не гневи своим желаньем Бога!
Нет на свете рыбки золотой!
А корыт разбитых – очень много,
только их не нужно нам с тобой!

2007

ВЕСНА ПРОШЛА

Курительной трубки табачный нагар...
Душистый табак капитанский...
Цейлонского чая горчайший отвар...
Романс под гитару цыганский...

От женского шарфика нежно струит
душистый поток феромонов...
Настольная лампа стыдливо горит,
наслышавшись охов и стонов.

Разбросаны вещи, маркируя путь
от двери до старой кушетки...
Пытаясь в квартирную суть заглянуть
в окошко царапают ветки...

Два тела уставших застыли внахлест,
отбросив пожар одеяла...
Сегодня они перекинули мост
от будущей скуки – в начало.

В весеннюю свежесть наивных забот,
где солнце чуть-чуть припекает,
где лед отношений и мелких невзгод,
как сахар рассыпчатый тает.

Связующей нитью обыденный день
их мыслей скрепил разночтенье...
Ритмичной капли призывная звень
разрушила крепость сомненья.

Табак ароматный, как символ, лежит...
Валяется трубка без толку...
От чая остывшего голос дрожит,
сливаясь на улицу в шелку...

2007

ТОСТ

Мы знаем – Гость подобен Богу!
Его достоинства мы чтим
и пьем за дальнюю дорогу,
что обошлась по-братски с ним!

Что он к нам вовремя добрался,
крылом Уастырджи⁵ храним!
Что с девками не задержался,
хоть инструмент надежный с ним!

Мы пьем за то, что не однажды
он за борт отправлял княжен,
и утолял засушье жажды,
поскольку дружбе – верен он!

Не Вечный Жид в заморье странствий
теперь болтается один!
На околземном пространстве
сейчас колдует осетин!

Здоровье страждущим приносит
от тундры до кавказских гор!
Наш стол его подняться просит
под тостов громогласных хор!

2007

ДЕЛОВОЙ ЖЕНЩИНЕ

Женщина, свободная в полете!
Вам не снится бытовая жуть!
Просто вы возвышенно живете
и не тщитесь прошлое вернуть!

Женщина, цветущая в пустыне
жизни, чувств, вниманья, наконец, –
в ветродуе холода – не стынет,
чуя жаркость дружеских сердец!

⁵ Уастырджи – святой Георгий (осет.)

Крепко сжав до побеленья губы,
женщина струится сквозь дела,
распахнув в движенье полы шубы,
жесткая, прямая, как стрела!

Только жаль, не достает уюта,
сонного домашнего тепла,
ночью слезы льются почему-то,
да не те сидят вокруг стола...

Женщине, удачливой в деяньях,
на морозе жизни – горячо!
Суждено ей в долгих ожиданиях
верное, надежное плечо!

2007

ЛЕЗГИНКА

Если услышишь ты меня,
если увидишь ты меня,
значит, случайно вошла в мой сон,
где только ты и Иристон!⁶
Значит, исчезнет в горах туман,
значит, от ветра я буду пьян,
снежных вершин обниму покой,
горным потоком сольюсь с тобой!

Если не слышишь ты меня,
если не видишь ты меня,
значит, в спокойствии будешь жить!
Только такого не может быть!
Просто угас под лавиной звук,
просто в тумане не видно рук...
Просто вошли в резонанс сердца,
Танцам Осетии нет конца!

2007

⁶ Иристон – Осетия (осет.)

ВОСЬМИМАРТОВСКОЕ

Пьянит весны свободный воздух,
началом марта светел день,
пушок мимоз желтеет в гроздьях,
прохладой угрожает тень...
То снег, то дождь, то солнца яркость!
Каприз погоды – женщин суть:
еще вчера – объятий жаркость,
сегодня – слов обидных жуть!
Но наступает женский праздник:
цветы, подарки, лесть мужчин...
Тут и Амур, – любви проказник,
случайных встреч внебрачный сын...
Любовь у женщины – с оглядкой,
и в этом есть мужчин вина!
Они в застолье для порядка
хмельное зелье пьют до дна,
поручик Ржевский им приятен,
близка обломовская лень,
бесчисленных греховных пятен –
не смыть в весенний женский день!
Но осознание вины –
уже почти что искупленье!
Пусть в праздник женского цветенья
цветные дамам снятся сны!
В них – настоящие мужчины
нездешним рыцарством полны!
Там серенадный звон струны,
семейной радости картины!
Пускай, проснувшись на заре,
увидят женщины воочью,
все то, что им приснилось ночью
и в январе и в сентябре!
Пусть каждый день и каждый час
здоровье их не оставляет!
Пусть их мужчины понимают,
а внешность будет – высший класс!

2007

ЖЕНЩИНЕ СЕМЕЙНОЙ

Женщине – семейные заботы
суждено нести, как тяжкий груз.
Правит в воскресенья и субботы –
дама трэф, а не вальжный туз!
Я ее по-доброму жалею!
Ей бы в ванну с лепестками роз!
Но стальным штыком пронзая шею –
атакует остеохондроз!
А потомство – обиходить надо,
научить уму, одеть, обуть!
Пусть родные люди где-то рядом,
женский «дао» – уникальный путь!
От ремонта внуковых сандалий
до покупки галстуков мужских –
все на ней! Глаза ее устали
от мельканья улиц городских.
Ей, конечно, хочется признанья,
восхищенных «охов» от подруг,
и мужчин безмерного вниманья –
каждый день, а не внезапно вдруг!
Пусть проблемы биотуалетов
не волнуют женское бытие!
Пусть зарплаты хватит ей на это,
чтобы погрузиться в забытие!
Пусть на кухне все само свершится,
без усилий, «Ферри», и жары!
Надо только отдохнуть решиться
и дожидаться сказочной поры:
сказки, где сбываются желанья,
где любовью полон каждый вдох!
Там введен запрет на расставанья
в сложном перекрестии дорог.
Женщина, способная светиться,
вдруг уснула, голову склонив...
Пусть ей спится, верится и снится
разноцветной нежности мотив!

2007

ДРУЖЕСКАЯ УХА

Мы чувствуем ершистость бирючка,
душистый смысл укропа и лаврушки,
с горчинкой злую перцовость стручка
и сверхбездонность нашей братской кружки.

Бродяга-омуль пересек Байкал,
напором баргузина устремленный!
Он кстати на пирушку к нам попал –
пусть не с душиком, а с привкусом соленым!

Чеканил дождь по крышам свой узор,
потом в прорехах туч светило тлело.
Всегдашних тостов дружеский повтор
звучал, назло погоде, то и дело.

Давайте вздрогнем! Пусть в июльский день
Святой Георгий нам крылом помашет!
Да будет солнце! И да будет тень –
двойная суть обычной жизни нашей!

Судьбы загадки принимаем влет!
Поймите правильно, такие мы ребята!
Пусть только время-супер к нам придет,
вливая нежно попой, как когда-то!

2007

МОЛИТВА ЗАСТОЛЬНАЯ № 1

Прими, Всевышний, нашу веру
такой, какой она сейчас
находит путь сквозь атмосферу
и отражает грешных нас!

Прими все наши достижения,
как жертву малую тебе!
Прости грехи! Прости сомненья!
Прости беспомощность в борьбе!

Войди, Хуыцау⁷, в наши жизни
с доступной помощью в делах,
чтобы служению Отчизне
не наступил вселенский крах!

Большому Богу все подвластно!
Ты даришь нам свиданий миг
и помогаешь ежечасно,
как детям в действиях своих!

Прими, Всевышний, наше братство
и за столом, и в дни беды!
Пусть дружба – главное богатство –
оставит на Земле следы!

Избави нас от унижений!
От глаз завистливых и злых!
От ожиданья поражений!
И от предательства своих!

Пока кинжал хранится в ножнах,
уйми врагов пустую спесь!
Чтобы с кавказских гор тревожных
к нам не пришла дурная весть!

Хвала тебе, наш вседержитель!
Храни все наши очаги!
Пока придем к тебе в обитель,
прожить достойно помоги!

2007

⁷ Хуыцау – Всевышний (осет.)

МОЛИТВА ЗАСТОЛЬНАЯ № 2

Поднимая звонкие бокалы
за побед грядущих рубежи,
помните о том, что указал нам
путь надежный – сам Уастырджи⁸!

Не пугает путников дорога,
вектором, направленным в века,
потому что нужно им немного:
мясо, зелень, сыр и арака!

Нужен повод, место приземленья,
крепкий «фынг»⁹, или обычный стол,
и своих друзей расположенье,
и неповторимый женский пол!

Посмотри на нас, святой Георгий!
Пьем за руку верную твою!
Мы от нашей жизни не в восторге,
и с врагов снимаем чешую!

Пусть змеится существо дракона,
покачать сумеешь ты его!
Образ твой – волшебная икона!
А твое крыло – важней всего!

Путникам дорогу освящая,
умножая доблести мужчин,
мчишься ты, доспехами сверкая,
в белизну слепящую вершин!

Солнце – красит горные картины,
с высоты Уастырджи глядит!
В честь него пируют осетины,
но для всех народов стол накрыт!

2007

⁸ Уастырджи – святой Георгий (осет.)

⁹ Фынг – трехногий стол (осет.)

ВОСЬМОЕ МАРТА И НЕМНОГО КРИТИКИ

Восьмое марта – просто день весны!
Но вот мужчинам хочется чего-то:
быть может, чтоб другие снились сны,
а, может, женщин критикнуть охота?!

Не бойтесь, наши женщины, мышей!
Коты для вас – опасней всех созданий!
Но их никак нельзя прогнать взащей –
коты нужны для мартовских свиданий!

Своих мужчин найдете без проблем
и тут же создадите им проблемы!
В тенетах хитроумных женских схем
запутать можно ясность главной темы!

Мужская, даже кровная, вражда
приятней самой нежной женской дружбы!
Счет не ведите прожитым годам –
«подруги» подсчитают время службы!

Не становитесь мумиями вмиг,
чтоб выяснить, кто лучше сохранился!
Для вас любовь мужчин и легкий стих,
в удачу, несомненно, воплотился!

Хвалить не надо женщину за ум!
Ведь у нее достоинств есть – громада!
Пусть пухнет голова мужчин от дум,
а женщинам быть рядом с ними надо!

Попав в объятия женщины хоть раз –
мы у нее в руках уже навечно!
Так пусть настанет долгожданный час,
и наша общность будет безупречна!

Всегда прощают женщины мужчин,
и ни о чем, увы, не забывают!
Но веских для обиды нет причин,
а недомолвки пусть в ручьях растут!

Мужчины пусть пеняют на себя,
а женщин воспевают и лелеют!
Прощая им, ревнуя и любя,
пока плоды любви на солнце зреют!

2008

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Иду подвысь «Березовым прешпектом» –
туда, где нет кола и нет двора.
Где вдоль аллеи жимолостным спектром
расцветена толстовская игра.

Толстой продул свой отчий дом в картишки.
Но это – не упрек, а просто – факт.
Где молодость – азарта есть излишки,
и есть понятие чести! Только так!

Светило солнце, воздух прогревая,
пахнуло сеном прошлогодних дней.
Навозным духом ноздри обдувая,
дул ветерок от пасшихся коней.

Но у могилы на краю оврага,
там, где «зеленой палочки» мотив,
где землю напитала жизни влага,
вдруг дождик хлынул, небо затемнив.

Как будто слезы вылились на пашни,
которые писатель воспевал...
День завтрашний струился в день вчерашний
и плакал, и томился, и страдал.

Как указатель места заземленья,
где льет толстовский негасимый свет,
как знак его идеи всепрощенья,
не понятой людьми сквозь толщу лет.

В зените солнце снова полыхнуло
на землю ободряющим теплом,
«Березовым прешпектом» подмигнуло
и высветило виртуальный дом.

Стирает время города и страны,
сдавая их, как карты на столе...
Но память сохраняет, как ни странно,
реальность их на праведной земле.

2008

* * *

Волн искрящихся волнение
то наступит, то замрет.
Вдалеке, как наваждение,
белой чайкой – теплоход.

Он до трюмов полон судьбами
незнакомых мне людей
с их судами-пересудами
над планетой нашей всей.

Мчится курсом в неизвестное,
горизонт перечеркнув,
как знаменье наше крестное
три перста в один сомкнув.

2008

КОРЫТА́

По дороге в горы
остановка есть.
(На крутых просторах –
их не перечесть!)
Горно-ресторанный
уголок-мечта
С ударением странным,
старым: «Корыта́».
В скальности гранита
струями воды
желобов пробиты
стройные ряды.
Там вода – хрустальна,
от деревьев – тень.
Солнце лишь местами
осветляет день.
Ледяным потоком
речка камни мнет,
у реки под боком
ест и пьет народ.
Вдоль корыт природных
там, на крутизне,
отдых – всепогодный,
будто бы во сне.
Прямо над ущельем
мощные столы,
меж деревьев в щелях –
горные орлы.
Да и мы – орлами
ощущаем мир:
В горы и с друзьями!
Это счастья пир!
Но дороги дальше
вьется серпантин.
Нет в природе фальши!
Только свет картин.

До Солох-аула,
где Шахе река,
как змея скользнула
раз – и на века!
Там уже природа
взята за бока
и для «слуг народа»
будет жизнь легка!
Там – коттеджи, бани,
корты и бассейн,
не считают «мани»
и не пьют портвейн...
Но и мы не хилы,
не дрожит рука,
пьем вино в полсилы
с горкой шашлыка.
В ворохе событий
дни – не все просты!
Это дни открытий
новой красоты!

2008

БОЧАРОВ РУЧЕЙ

Берег не очень ухожен,
будто он нынче ничей.
Выглядит стильно, похоже,
только Бочаров ручей.

Там, вроде галька помельче,
да и народ посвежей.
Солнце не давит на плечи.
Больше – одних сторожей.

Там и дороги ровнее,
там не царит «Общепит»,
там не найти, кто главнее
тех, кто на пляже лежит.

Только по-честному скажем:
«Что нам на них уповать?»
Можно ведь даже на пляже
что-то самим порешать!

Правда, вселенских масштабов
вряд ли коснешься в песке...
Чем-то похожи на крабов –
пятятся мысли в виске.

2008

ДОЖДЬ В СОЧИ

Над пляжем сочинским водой сочились тучи,
шуршали волны галькой о песок...
Струй дождевых шумел поток кипучий,
смывая в море берега кусок...
Из глубины морской взбурлило, что ли,
сливаясь в Сочи с самого утра?
Сырели мысли и ржавела воля...
 Но это было только лишь вчера!
А нынче – солнце жарит беспощадно!
 Да так, что кожа от воды шипит.
Волненье моря – есть! Ну да и ладно!
 Зато растет на отдых аппетит!

2008

НА ДАЧЕ БЕРИИ

Здесь вечером сидел Лаврентий Палыч
за чаем в чесучовом пиджаке,
Вдыхая аромат магнолий на ночь
с блестящим подстаканником в руке.

Открытая веранда продувалась
от моря налетевшим ветерком,
у входа тихо пальма колыхалась
взращенная несбывшимся вождем.

В розетке – мед варенья из кизила,
там – щипчики, там – сахар кусковой.
Как будто время на бегу застыло
и наступил безоблачный покой.

В пенсне сверкали отблески заката,
в пучину канул красный солнца диск,
бродили по периметру солдаты,
надежно исключая всякий риск.

Взглянул туда, где дача сына Сталина
(за ним тогда был нужен глаз да глаз!)
И, хоть охрана по кустам расставлена,
а вдруг контроль исчезнет хоть на час?

Ему тогда не думалось, возможно,
об атомных проектах, лагерях...
Своим чутьем болезненно-тревожным
он ощущал неотвратимый крах.

Но море оевало и шуршало
накатывая волны на песок...
И не хотел он жизнь начать сначала.
И был до отвращения одинок.

2008

ГДЕ ОТВЕТ НА ВОПРОС?

Винокуров БээЛ
раза в три похудел!
Говорит, что магнитное чудо.
Может, просто дозрел?
Или выбрал удел
худобу получить ниоткуда?

Дай, дружище совет!
Или это – секрет?
Как мне сбросить кило хоть пятнадцать?
Но в ответ слышу: «Нет!
Без меня это бред!
Не могу в тайне века признаться!»

Ну, конечно, мой друг!
Не откроешься вдруг!
Нас спецслужбы не этому учат!
Тесен дружеский круг.
Дарит ухо нам слух,
только враг может слышать покруче!

Ну, а я тут причем?
Мне и враг нипочем,
если я похудею за лето!
Кто мне станет врачом?
Как узнать что почем?
Есть вопросы, но нету ответа!

2008

*Родным,
как друзьям и
друзьям,
как родным*

ТРИ АККОРДА

В дальнем детстве – три аккорда,
звон серебряной струны,
в синяках бывала морда,
если дрались пацаны.

В прошлом клеши, самоволки,
и армейский реквизит,
разбитные комсомолки,
Фомичев и Общепит!

Что теперь? Понять труднее:
время – пенсией грозит!
Всех других – жена роднее,
хоть не снижен аппетит!

Диабет – товарищ старый
на двоих у вас – один!
Есть друзья! И без базара –
есть товарищ осетин!

Пусть тревожат три аккорда
сладким пением струны!
Пусть звучит, как в детстве, гордо:
мы пока что – пацаны!

2006

СЕСТРЕНКЕ

В глуши Сахалинской росли мы, не зная,
что есть на Земле колбаса,
что в Киевской Бóярке – школа лесная,
где можно наесть телеса.

Что там, поглощая четыре обеда
в один и недолгий присест,
об ужине будет с друзьями беседа,
кто больше и радостней съест.

Я был чемпионом по скорости жора,
недельный привес – килограмм!
Желудок работал весь день без дублера,
давая нагрузку зубам.

И вдруг, где-то в полдник, пришла телеграмма,
в которой три слова всего.
Слова: «ПОЗДРАВЛЯЮ МАРИНКОЮ МАМА»,
и больше в ней нет ничего.

Какая Маринка? Откуда такая?
И кто я ей буду теперь?
И как я ее по приезде узнаю,
протиснувшись в узкую дверь.

Сестренка росла черноглазым галчонком,
любимым всей нашей семьей
и выросла шустрым не в меру чертенком,
с которым шутить – о-е-ей!

Ей стукнуло десять, когда я уехал,
окончив крутой институт,
на поиски опыта, славы, успеха,
увидеть, как люди живут.

Теперь у нее – очень взрослые дети,
работа и Владикавказ.
И солнце по-прежнему яростно светит,
и так же везет через раз.

Мы виделись часто, и все-таки – редко!
Барахтались в ворохах лет.
Из старых привычек надежная клетка –
хранила возможность побед.

В реальности жизни – обыденность быта
стирала свеченье времен,
В грядущих полвека – дорога открыта!
А все, что случилось, – как сон.

Превращая загадку в страшилку,
просыпается доктор наук,
потому что не любит бутылку
опрокинуть под бульканья звук!
То «фазически» пива пригубит,
то «тонически» выпьет нарзан...
Если трезвость теорию губит,
значит, практики лопнул стакан!

Жизни маятник должен качаться
бесконечно – туда и сюда!
Протрезветь! И опять накачаться!
А иначе – конец, господа!
Но профессор повторно проснулся.
Этот сон был, конечно, во сне!
Я к теории то же вернулся,
стиховоем взывая к Луне!

2006

ТУРНИР ПАМЯТИ ФРИЗЕНА

Застыл над сеткой волейбольный мяч
в тоске по необъятно мощной силе...
Один удар – и будет сделан матч!
Но вдруг в прыжке – движения застыли.

Как будто там, еще в немом кино
остановились кадры бело-черные.
И досмотреть его – нам не дано,
какие бы мы не были ученые!

Идет турнир, мячи ладони жгут,
ударные меняя направления.
Ревут трибуны, но кого-то ждут
болельщики-фанаты тем не менее!

Эх, Эдуардыч! Если бы на час
ты смог вернуться к волейболу жизни!
Увидеть всех: родных своих и нас...
А мы за час – неплохо встречу сбрызнем!

Застыл над сеткой жизненных забот
гигант в душе, в работе, в мощном теле!
Твоим друзьям – тебя не достает!
Не верится, что ты в земной постели!

Листая напечатанный буклет,
нельзя представить целостность Фризена!
Он и сейчас живет с течением лет
и в памяти и в сердце – несомненно!

2006

НА ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Пусть не тревожит возраст пенсионный
тех, кто прошедших не считает лет,
кто в жизнь, и в женщин, и в мечту влюбленный,
тех, у кого в друзьях сомнений нет!

Пусть шестьдесят, и семьдесят, и сотня
стреляют в нас, не попадая в цель!
Броня любви хранит того сегодня,
кто не спешит упрятаться в постель!
Кто Госстандарт достойно представляет!
Кто не стандартно мыслит и живет!
Кто в юбилей на отдых уезжает,
а в «Ргимо» нас – на день жены зовет!

Пусть возраст бесконечно не реальный
высвечивает правильный аспект!
Твой юбилей – проект национальный,
а, значит, вечно длящийся проект!

2006

ЖЕНЩИНЕ В МЕСЯЦ КОЗЕРОГА

В год собаки, в месяц козороговый,
прямо накануне дня рождения, –
Новый год еще скрипит порогами,
ан всего пять суток до Крещения!

Так же пять годов скользнули в прошлое
после юбилея отгремевшего!
Было все, но было и хорошее
в винегрете жизни перемешанном!

И ее коллеги нынче с радостью
чествуют! И чувствуют банкетие!
Не прельщаясь славословья сладостью,
искренне желают многолетия!

Как в букете – поздравленья разные.
Цветопад – рождает настроение!
Ну, а без цветов, какие праздники?
Это просто времяпровождение!

Будет Дед Мороз еще пошалить!
В старый Новый год он распояшется!
Будет градус жизненный зашкаливать
в день, когда поется, пьется, пляшется!

Пусть работа, в чем-то и не женская,
радует своей определенностью!
Пусть погода святочно-крещенская
навсегда соседствует с влюбленностью!

2006

И СНОВА ОТМЕЧАЕМ ЮБИЛЕЙ

С годами жизнь онкологов – трудней!
Но этой жизни – нет альтернативы!
В туннеле свет становится видней:
надежда есть – и пациенты живы!

Коварные латинские слова
исчезли вмиг во мраке беспредела,
когда из пепла, теплого едва,
вдруг искра света белого взлетела...

Заполыхал огонь судьбы иной,
даря здоровье, и тепло, и негу...
И рачий панцирь, сгорбившись дугой,
пропал из вида, уподобясь снегу...

Подсчитан неминуемый успех
В умах, постигших тайны мироздания!
И, вместо плача, слышен детский смех,
который глушит горькие рыдания!

Пускай грохочет праздничный салют!
Звенят бокалы с антиоксидантом!
Врачебный подвиг – каждодневный труд
в одном флаконе с даденным талантом!

2006

ГЛАВНОМУ ВРАЧУ РОССИИ

Петелинская психбольница –
не «Сербского», не «желтый дом»,
не «кагэбэшная» темница!
Здесь – сумасшедшим сладко спится,
им главный врач, наверно, снится,
их исцеляющий трудом!

Им снится «шáбаш», или «саммит»,
и третий президентский срок,
что психи-«президенты» сами
в столовой – говорят стихами,
и, вместо галстуков, руками
томатный вытирают сок...

Они в больной стране не знают:
куда, зачем и как идти!
Там – без закуски выпивают,
дерутся, колются, играют,
воруют – все, но твердо знают,
что есть в Петелино пути!

Им не понять в стране «чудесной» –
кто умник? Кто пустой дурак?
Кто в Думе? Кто в психушке тесной?
А кто и там, и там известный?
Кто прокурор? Кто малый честный?
Башка болит! Нельзя же так!

Кто рассчитает степень риска,
когда «они» стреляют в «нас»?
Кто террорист? Кто гений сыска?
Кто прав защитник? Кто «редиска»?
Где Божий дар? А где сосиска?
Где бандюганы? Где спецназ?

Ответь им, главный врач больницы!
Ответь и нам, подняв бокал!
Коль Тулу не заменишь Ниццей,
а расстегаи тощей пиццей,
почто в деревни и станицы
не хлынул инвестиций вал?

Уже полвека миновало
с тех пор, как начат жизни рейд!
И тулякам понятно стало –
чтоб их нормальность не страдала,
им дорог местный запевала,
как Кречмер, или Зигмунд Фрейд!

За юбилейных дней границы!
Ответов на вопросы ждет –
страна, где от инъекций – спитесь!
В которой не зорно спиться!
Двойник России – психбольница,
а, может быть, – наоборот!

2006

СВАДЕБНОЕ

Хуцау¹⁰ предопределил
продление рода человеку,
его вхождение в жизни реку,
на тяжкий труд благословил!
Он знает всей Вселенной код
и нам познать его дает!

Уастырджи¹¹ своим крылом
прикрыл стремящихся к вершинам!
Дал мощь и зоркость осетинам
идушим к счастью напролом!
Указывая путь вперед, –
оберегает наш народ!

Услышав предков вечный зов
продолжить славу Иристон¹²,
во исполнение закона
в день свадьбы – славный пир готов!
Родных, гостей – заздравный круг,
в нем каждый – счастьем близкий друг!

Пусть слышит цепь над очагом
счастливых песен содержанье,
веселой музыки звучанье,
пусть близким станет новый дом!
Войти в него – невесте честь!
Она сумеет в нем расцвести!

Пусть «мыдыкъус»¹³ и «багæны»¹⁴
соседей друг с другом рядом
и с тем таинственным обрядом,
в котором воплотились сны!
Сегодня – радость в двух домах,
не выразить ее в словах!

¹⁰ Хуцау – Всевышний (осет.)

¹¹ Уастырджи – Святой Георгий (осет.)

¹² Иристон – Осетия (осет.)

¹³ Мыдыкъус – медовый обряд (осет.)

¹⁴ Багæны – осетинское пиво (осет.)

Пуškai торжественно звучат
сегодня тосты, песни, шутки!
На свадьбе – ни одной минутки
хмельные музы не молчат!
Пусть «фарн»¹⁵ приходит в каждый дом
и изобилье – будет в нем!

2006

А.З.Г.

Сегодня сын Азербайджана
свой отмечает юбилей!
Любая дата – долгожданна,
коль мудрость следует за ней!

Отмечена полвека веха!
Чуть серебрится смоль волос...
Залог грядущего успеха –
орлиный взор, кавказский нос!

В усах улыбка притаилась!
(Что за джигит без хитрецы!)
И не одна в него влюбилась,
хоть он годится ей в отцы!

Студенты хирургию любят
за то, что в ней Гусейнов есть!
Он, если скажет, как отрубит,
и ненавидит слово «лесть».

Мечту о клинике лелеет,
в которой – все: учи, лечи,
где новых знаний ветер веет,
где формируются врачи.

¹⁵ Фарн – счастье (осет.)

На поле операционном
реализует мастерство,
на основании законном
возобновляя естество!

Он в нашем сложном диссовете –
многоученный секретарь.
На каверзный вопрос – ответит!
Да и в застолье – просто царь!

И, что бы ни было на службе, –
готов всегда вперед идти,
затем, что верен старой дружбе,
не изменяя ей в пути!

Те, кто вчера, как молодого,
его в делах воспринимал,
теперь поют, как про другого:
«Ариф сегодня – аксакал!»

На тропах жизни невозможной
приходится срезать углы,
но в резкости – он осторожный,
наш друг Ариф Зияд-оглы!

Вершины истинной науки
пусть видятся ему всегда!
Пусть вяжут виртуозно руки
узлы священного труда!

Желаем жизни – беспокойной!
Спокойствие – конец пути!
Ведь факел знания достойно
потомкам надо донести!

2006

А.Ю.Б.

Сияя орденов лучами,
опередив медальный звон,
встряхнув широкими плечами,
вошел он молод и силен!

Вручив на вечер приглашенье –
исчез в пространстве, как в бреду.
Конечно, принял я решенье,
что с Львом Исаичем пойду!

Прости меня А.Ю. Бутовский!
Не удастся мне придти!
И рад бы встретиться чертовски,
но вновь проблемы на пути!

Я поздравляю громким ором,
где два – коротких, раз – в длину,
в день юбилейности, в котором
объявят скучности войну!

Поддерживаю дружбы тосты,
в которых славят – не слова,
а дел свершенных – целый остров,
где сам Бутовский – голова!

Мы, спиртоспортоветераны,
шлем поздравлений мощный вал.
Идем по жизни – без охраны.
В ней лет непрожитых навал!

Три раза жить тебе по-стольку
в кругу любимых и друзей!
А там еще посмотрим, сколько –
Всевышний даст под юбилей!

2006

РОМКЕ

И великаны усыхают
от многолетней жизни бремени:
теряют волосы, седеют,
слабеют мышцы, голос рушится.
Лишь только дети вспоминают
былую мощность их во времени,
где старцы – просто молодеют,
и вновь живет им, и служит.

Пусть детям не приметно явное:
что сами стали великанами,
что их заботы приумножились
в самодостаточности сил.
В них – память есть! И это главное –
взывает полными стаканами,
чтобы слова не уничтожились,
а дух любви – в потомках жил!

Дочь, а тем более племянника –
не удержать над чернской бездной!
Скорей они сумеют бережно
меня за лысину держать,
уставшего, седого странника
по жизни странной и безбрежной,
но я готов, как раньше нежно,
и все, что нужно, подсказать.

Быть дядей Сашей – выше святостей
макушкой храма свет ломающих!
Знать, что не зря годами долгими
светило светит в темноту.
Пусть будет неизбывность радостей,
в глазах детей добром сияющих!
Нам не смутить словами колкими
души святую простоту!

2006

КТО И ЧТО НЕ ДАЮТ МНЕ ПОКОЯ

Снова тосты заздравные слышатся,
Изливается чувств водопад.
Новой встРече – ну кто же не рад?
Ясно всем – **н**Ад стрельцами колыШется
Ярких слов и улыбок **н**Аряд.

Говорим то, что жизнью **П**роверено,
Легковесн**О**стью мы не грешим
И, с**Л**егка нарушая режим,
Начи**Н**аем застолье – уверенно,
А на фини**Ш**е – громко **К**ричим,

Потому что не верим взаимн**О**му,
Оглушая друг друга **В**сердцах...
Липкой влагой вино **н**А устах
Наши губы слепляет по-зимнему
И слова рассыпаются в прах.
Коль стрельцы вылетают дуплетами
Обаяния, мысли, любви –
Век грядущий приходит с ответами,
А исчезнувший век – не зови!

В друзьях надежных – корни наши
крепили деды и отцы.
Теперь и Коля и Наташа –
закоренелые стрельцы.
Ноябрь по-полниковски ясен,
по-новогуровски суров.
Ваш день рождения прекрасен,
для тостов – не хватает слов.
А потому давайте, други,
поднимем праздничный бокал
за счастье Коли и супруги!
За наших добрых чувств накал!

2006

СОВПАДЕНИЕ ВОСКРЕСЕНИЯ И РОЖДЕНИЯ

Сложилось так, что чей-то день рождения
апрельским солнцем полыхнул по зимности!
На Пасху, в день Христова Воскресения,
когда все в мире требует взаимности!

Духовное вершится очищение
от тяжких дум, обид, непонимания!
Великий Пост – всеобщее прощение,
и с холодом зимы – весны прощание!

Отделено желанье от возможности –
в науке, в спорте, в жизненных сражениях!
Единство их всегда полно тревожности
при мысли о возможных поражениях.

Но поражений в мире лицемерия,
рефлексов, развивающих хватательность, –
не избежать в потоках суеверия,
а выйти без потерь из них – желательно!

Не цель – чины, регалия и звания,
а средства общей цели достижения!
Ведь, если нет всеобщего признания,
тогда победа – это поражение!

Пускай Всевышний, а не славословие,
льстеца от друга отличить поможет!
Верна поныне старая пословица:
«Платон мне друг, но истина – дороже!»

Проекты, для Руси национальные,
пускай скорее в жизни – воплощаются!
Пускай дела и помыслы реальные
в едином блоке навсегда сливаются!

Дай, Бог, в день Воскресения Христа,
не думая о собственной известности,
сойти к друзьям с житейского креста
в веригах доброты, любви и честности!

2006

С.С.Н.

В глубинах Тулоблздравотдела,
в пучине многотрудных лет,
он плавал долго и умело,
в очках – стекло не запотело,
позволив видеть в завтра свет!

Текли года, менялись «завы»,
«предкомы» и директора.
А он всегда был нужным «замом»,
в вопросах общих – самым, самым,
крутым сегодня и вчера!

Он «на хозяйстве» оставался,
давая «шефу» отдохнуть,
болезням века – не сдавался,
в дождях судьбы – сухим остался,
пройдя довольно длинный путь!

Познав судьбы хитросплетенья
и сплетни всяких хитрецов,
он, хоть испытывал сомненья,
но был под «крышей» Провиденья
и избегал ненужных слов!

В его уютном кабинете
не раз плескали внутрь коньяк!
Плечом к плечу и «те» и «эти» –
сидим на групповом портрете...
(Без «групповухи» – мы никак!)

И что ему круглее даты
сегодня можно пожелать,
пока не очень-то поддаты?
Коль в медицине мы – солдаты,
то наш девиз: «Всегда стоять!»

Пусть солнце – шаром воссияет,
заботы округлив углы!
Пусть холод снежности растает!
Пусть круг друзей его встречает!
Пусть будут полными столы!

А шестьдесят – лишь шесть и нолик!
За цифру с множеством нулей
бокал «по полной» будет «нолит»!
Всевышний – выпить нам позволит
за «станиславный» юбилей!

2006

ЧЕРЧЕСОВУ

Когда компьютерное «чтово»
прицельно выверить пришлось,
не находилось слов учтивых,
не по заслугам воздалось!
Эпистолярный жанр сливая
в «емэйло-мессэджевый» сток,
ни в чем прогресс не упрекая,
был дан «намедни» мне урок!
Не доверять набор посланий,
казалось бы совсем простых,
чтобы «ошибковых» страданий
не заносить в случайный стих!
Пусть белое не станет черным,
пройдя посредников барьер!
Пускай лингвистов и ученых
хранит надзор небесных сфер!

2006

В.А.Х.

Когда появился Хромушин
в означенном сорок шестом,
был ход мироздания нарушен
в явленье, таком не простом!

В сетях наименьших квадратов,
в запутанных кластерах цифр,
в программах, софтах и дебатах
упрятан был истины шифр!

Общение с водкой и матом
наследственно вредно ему,
но был он достойным солдатом
в большом ВВП-эшном дому!

Системщиком стал он и вскоре
добрался до значимых сфер:
в крутой ЦеКаБАшной конторе –
он главный тогда инженер!

А после грехов перестройки –
судьбу с медициной связал,
считать стал то смертность, то койки,
но быть управленцем – мечтал!

Компьютерный центр возглавляя
в течение бесчисленных лет,
регистры судьбы заполняя,
он жизни – готовил ответ!

Ему МКБ, как молитва,
а смертность, как вечности лик,
общенье с властями – как битва,
к которой надолго привык!

Раскрыв информатики тайны,
теперь уже – доктор наук!
Умеет извлечь не случайно
из скрипки чарующий звук.

Что Виктор всегда победитель –
сомнений (по имени) нет!
Он также для всех – вдохновитель
компьютерных новых побед.

О пенсии думать – не стоит!
Об этом вопрос – не стоит!
Но выпить по рюмочке стоя –
Всевышний всегда разрешит!

2006

НАТАРОВУ

Блести макушкой, мой молочный брат!
Подагра – наша общая любимая!
И, хоть тебе всего лишь шестьдесят,
но боль у нас одна, и – нестерпимая!

Она всегда на подвиги зовет –
в бутылки звон и мяса поедание.
К нам слава – обязательно придет:
диете братской суждено признание!

Наш мудрый федеральный казначей,
пусть на банкнотах твой оттиснут образ!
Пришел половозрелый юбилей,
а не какой-то пенсионный возраст!

Сияет государева казна
национальной радугой проектов.
Пусть нам не достается – ни хрена,
зато из КРУ не светится прожектор!

В дележке площадей блюли мы честь,
уйдя от белодомовских советов!
Отдельный дом у Казначейства – есть!
Есть место у НИИ – без туалетов!

Наполнив жизнью паруса надежд,
мы мчим по датам к новым юбилеям
с улыбкой милых женщин без одежд!
И в шестьдесят, брателло, не стареем!

Всевышний с нами, будто партконтроль!
Блеск лысины – дорогу освещает!
За юбилей! Твоей подагры боль
пять раз постольку жить – не помешает!

2006

Ф.Г.

Когда торжественную ноту
обнял прозрачно-нежный звук, –
в «Купце Платонове», в субботу
запел Армении дудук!
Хмелится свадьба настроеньем,
весельем полнится бокал,
друзей, знакомых – полон зал,
сердца их бьются с упоеньем!
И даже древний Арарат,
там, за границей, тоже рад –
не может справиться с волненьем!

Седой Масис немножко пьян,
но он прохладой гор трезвится,
пока Гокча (или Севан)
в похмелье вод своих резвится!
День этой свадьбы освятит
российский взгляд на Украину!
Не принимайте за чужбину –
страну, где ваш очаг горит!
Земля у нас для всех – одна:
источник хлеба и вина,
надежды вечный монолит!

Виген и Грета! Ваш союз
объединяет наши страны!
Семейный груз – нелегкий груз,
но груз любимый и желанный!
Преодоление забот –
пусть разжигает жизни пламень,
поскольку под лежащий камень
вода Севана не течет!
Избрав совместный путь вдвоем,
дай Бог понять друг друга в нем,
найти и славу и почет!

Не стоит спорить, кто нужней:
юрист иль врач, иль оба вместе?
Вопрос: «Кто в данный миг важней?» –
не будем задавать невесте!
Пусть год две тысячи шестой
над «i» свои расставит точки,
поскольку истины росточки
не вырастут в вопрос пустой.
Надуманый решился спор:
в семье и врач и прокурор,
и от удачи нет отсрочки!

Своих родителей – любите!
Они для вас – хвалебный хор
и прокурорский ваш надзор!
Добром за их добро платите!
Помог Всевышний без сомненья
найти заветный резонанс,
как единенья верный шанс,
и к общей радости стремленье!
Идите вброд по жизни сей
на радость предков и друзей!
Пусть не иссякнет вдохновенье!

2006

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

Правит миром порыв и азарт,
и вершин не достигнутых зов.
День, когда начинается март, –
открывается истиной слов.

День второй наступившей весны
и всего – тридцать лет за спиной!
Снятся ночью красивые сны,
закрывая плохое – стеной...

Тридцать лет – это время удач
и осознанной взрослой любви!
Пусть иссякнет по прошлому плач!
В недра грусти себя не зови!

Подрастает талантливый сын,
не дающий остаться одной!
Самый главный из верных мужчин,
самый близкий и самый родной!

Есть семья, есть работы маяк,
есть надежда и вера в друзей!
Это все – долголетия знак
в этот твой озорной юбилей!

Бубенцов нескончаемый звон
и трепещущий в музыке стан –
зывает в восточное он:
танец турков, цыган, египтян...

Не жалея живота своего,
а, танцуя, по жизни иди!
И, конечно, ты встретишь Его,
скажешь: «Друг мой! А ну, погоди!»

Тридцать лет позволяют решать,
как сплести и судьбу, и мечту,
чтоб сумели отец твой и мать
видеть жизни твоей красоту!

Чтобы внуков дождаться своих!
Чтобы внуки у внуков росли!
Чтобы все удавалась у них!
Чтобы розы в морозы цвели!

2006

ГРАЧИКУ

Обычный день! Всего-то сорок лет!
Грядет весна, ручьев журчащих плач...
Расплавит снег от солнца жаркий свет,
и прилетит весенней птицей – грач!

Армении лучистой верный сын!
Друзья с тобой – хоть в радость, хоть в беду!
От имени всех тульских осетин –
«Ура тебе! Грачу и «Какаду»!

Поэт хохлатый – редкий попугай!
Все перья растрепались по стране!
Меня, ты, Грачик, шибко не ругай,
поскольку мысли лысые – в цене!

Пускай тебе всегда поет дудук¹⁶,
а небо красят сполохи зари!
Пока кавказских ритмов слышен звук –
пусть не пустует место в кочари¹⁷!

Все говорят, что ты – интеллигент!
Что нестандартно мыслишь головой!
Но ты еще для всех – надежный «кент»:
на отдыхе и в жизни деловой!

Армянским коньяком не будешь пьян,
идя по тропам нынешних забот.
Справляет сорок лет Багдасарян,
он точно нам по маленькой нальет!

Подняв бокал за эти сорок лет,
Ему желаем водопад удач!
Ни возраста, ни дат у дружбы нет!
Пусть каждый год твой будет добрым, Грач!

2006

СВАДЕБНЫЙ ТОСТ ВНУКУ

Стареем мы, взрослеют наши внуки,
идет неумолимо смена вех.
И нет такой премудрости в науке,
чтоб полным счастьем одарила всех!

В застойных буднях прячется возможность
потери чувств, утраты нежных чар.
Вдруг заскулит нелепая тревожность,
и остывать начнет любви пожар!

¹⁶ Дудук – арм. музыкальный инструмент

¹⁷ Кочари – арм. танец-хоровод

Но есть у нас – день подлинного счастья,
весной скрепивший – радостный союз,
когда решили Алексей и Настя
вдвоем нести – семьи нелегкий груз!

Не просто это! Знают, как не просто,
лишь те, кто вместе – тридцать, сорок лет!
За радость молодых грохочут тосты,
но в них всегда скрывается совет!

Дай Бог, по жизни – реже ошибаться!
Учится на оплошностях – чужих!
Друг другу рано утром – улыбаться!
Не обижать родителей своих!

Пускай не покидает вас терпенье!
Пусть гнев – веселья не опередит!
Взаимное друг другу уваженье
пускай избавит от пустых обид!

Пусть сбудутся благие пожеланья –
любви, достатка, искренних друзей!
Пусть воплотятся ваши ожиданья
в счастливом смехе будущих детей!

Приходится прощаться с милым детством.
Во взрослой жизни вас удача ждет!
Чтоб вам от счастья – никуда не деться!
Назад – ни шагу! Два шага – вперед!

Здоровья вам! Родным и близким – то же!
Запомните одно: мы любим вас!
Пускай Всевышний – в трудный час поможет!
А мы поможем в каждый нужный час!

2006

Р.С.К.

Мы не ждем приказов и указов
в Туле – на исходе февраля,
потому что Ростислав Качмазов
в Щекино колдует у руля.

Собрались друзья по доброй воле,
сбившись в тесный и единый круг!
Нас Всевышний наградить изволил –
день рожденья отмечает друг.

Пусть земля Осетии ликует
в единении братства и любви!
Пусть никто костер войны не вздует,
ибо храм не строят на крови!

Пусть растет мой крестник выше крыши!
Пусть «бланткнот» толстеет всякий раз
от трудов, которые напишет
он про дедов, девок и Кавказ!

Пусть не хватит МАЗов и КАМазов,
чтобы счастье другу доставлять!
Пусть в министры движется Качмазов,
чтобы не просить, а отдавать!

Как Бесо, живи сто лет и дольше –
всем непонимающим назло!
Каждый день имей всего – побольше,
чтобы елось, пилось и везло!

2006

КОЖЕВНИКОВОЙ ТАТЬЯНЕ

Приходит юбилей всегда неожиданно,
но знает он свой час, секунду, миг!
Вот и к тебе он постучал, Татьяна,
в заздравном хмеле всех друзей твоих!

Невольно жизнь свою перебирая
по ворохам больших и малых дней –
ты удивишься: «Вон она какая!
Не зря справляю этот юбилей!»

Прислушиваясь к детскому дыханию,
ловя шумов сердечных перебой,
сама невольно дышишь с замираньем,
как тот разведчик на передовой!

Установить диагноз – лишь полдела.
Принять решение – суть врачебных дел!
Поскольку Это сделать ты сумела,
то быть Врачом – достойный твой удел!

Борьба за жизнь – не красные словечки!
Себя сжигая с каждым малышом –
ты освещаешь детям их сердечки,
чтобы они носились голышом!

Кто сосчитает всех, тобой спасенных,
тех, кто к тебе – своих детей несет:
с соплями, с кашлем, жаром изможденных,
как у иконы исцеленья ждет?

А у иконы имя есть – Татьяна!
Она для всех – «живее всех живых»!
Ей так же трудно: просыпаться рано,
и дел всюю невпроворот – своих!

И сердце перебоит от нагрузок,
и голова кружением полна,
и путь наверх всегда коварно узок,
и в подлости людской не видно дна...

Но ты – превыше козней лизоблюдов,
Живущим так: не людям, а – себе!
Христос простил обидчика Иуду!
Прощать других приходится тебе!

Есть у тебя великая награда –
задорный смех резвящихся детей!
Не только Тула и горда и рада
за твой по детски юный юбилей!

Как в море нашей жизни неустанно
вливается надежности поток,
так в каждом доме, где была Татьяна,
здоровья пробивается росток!

Как у истока самых бурных речек
находится неведомый покой,
в любой семье найдется человек,
познавший исцеление тобой!

Во здравие твое не только нынче,
а каждый день пусть полнится бокал!
Нам за столом не нужен код да Винчи,
чтоб ощутить твоей судьбы накал!

2006

ЛЮБЕ

У женщин возраст вымерять не стоит!
У каждой он всегда на свой аршин!
Как тропы в белоснежной вершин,
которые туман ночной прикроет.

И все-таки приходит этот час,
и этот день загадочно спокойный,
когда стучится ваше время в вас,
и хочется столы накрыть достойно!

Собрать друзей, а, главное, подруг,
которым душу вывернуть не стыдно!
Хулу друзей – услышать не обидно,
все потому, что вечен жизни круг!

Любовь – она и в имени, и в детях,
и внуков просветляет мощь любви!
А ты, как мать и бабушка, в ответе
за их покой и счастье, се ля ви!

Супругой быть – нагрузочка – дай, Боже!
За шесть десятков перепрыгнул муж!
Ты, женщина, семейный держишь гуж
и всю семью в руках ты держишь тоже!

За день рожденья Любы и до дна!
Пусть ей легко – нелегкое дается!
Пускай к ней в сентябре придет весна,
и сердца пульс бесперебойно бьется!

2006

О.Л.

Говорят, что в наши годы
что-то там не так, ребята!
Нужных дел громоотводы
канут в землю без возврата.

Только в жизни есть охота,
как судьбы напоминанье.
Всякая охота – нота,
с необычностью названья.

Есть *стандартная* охота –
зверь, загон, конкретный номер.
Есть закон: не бить того-то,
если он еще не помер!

Есть *разбойная* охота,
где медведя, лося, волка,
из машины, с вертолета
убивает – не двустволка!

Есть *прицельная* охота –
то ли в Думе, то ль в больнице.
Там, где цели эти – квота
на понятливые лица!

Есть *веселая* охота,
та, в которой можно выпить,
и бутылку из полета
жаждет пуля с лета выбить!

Есть *любовная* охота,
где природа, листья сбросив,
в снег оделась для кого-то
и руки для счастья просит.

Будь здоров, наш седогривый!
В шесть десятков, в семь и в десять!
Бей в десятку! Бей красиво!
Успевай, что будет, – взвесить!

Пусть Москва, Смоленск и Тула –
поздравляют Лукичева!
Юбилеем жизнь взмахнула:
шестьдесят – не полшестого!

Это новых дел начало
в переосмысленье взглядов.
К безнадежности причалов –
нам причаливать не надо!

За охоту жизни нашей!
Пусть в веселье сердце бьется!
Мушка пусть в сто лет не пляшет
и прицел пусть не собьется!

2006

Л.И.К.

Слова хвалы мы нехотя вкушаем,
да и хулы – услышать не хотим!
Своим друзьям мы многое прощаем!
Своим врагам – на бедность подадим!

Нам чужды скороспелые решенья,
но выбора другого, право, нет!
Пора приходит собирать каменья,
разбросанные за десятки лет!

Благая весть, что день Его рожденья
пришелся на десятое число,
в участие нашем вызвало сомненья.
Но их, как будто ветром, унесло!

Двенадцатого сбор друзей назначив,
он дюжиною сдюжил этот стол!
Свое к нам отношенье обозначив:
кто в день не смог, тот в этот час пришел!

Упрятав мысль за толстыми очками,
он созревает прямо на глазах!
И выпить много может вместе с нами,
и разобраться в собственных делах!

Науки в нем пусть не остынет пламень!
Поступков смысл мы знаем наперед,
в основу слов бросая твердый камень,
а не бульжник в чей-то огород!

2006

Д.Ф.Х.

Гудит московская элита,
число седьмое бьет в набат
сбираясь за столом накрытым
проститься с цифрой – шестьдесят.

Ведь семь десятков набежало,
хоть взгляд по-прежнему хитер.
Он может все начать сначала
под поздравлений дружных хор.

Сроднился с ВАКом не на шутку,
и в Туле – не один сезон,
и с женщиной не на минутку
уединиться может он!

Науки покоров стихию,
отметил славный юбилей!
Он соблазнил психиатрию
и закодировал друзей.

Из-за очков эмоций ветер
уносит прочь старенья пыль.
Грядущий век, как небо – светел!
И порох – сух! И сух фитиль!

И есть надежная закваска!
Броженью дел – не иссякать,
пока не чужда женщин ласка,
и тостов слышна благодать!

2006

ЮБИЛЕЙНОЕ

Сорок лет, словно срок без отсидки,
век двадцатый наметил для нас.
Не бывает на прошлое скидки!
Нашей дружбы костер не погас!

Было горе, и были потери,
разрывались от боли сердца!
Но в студенческой искренней вере
не бывает плохого конца!

Мы науку с врачебным искусством
совместили в конкретных делах!
И поэтому с искренним чувством
славим общей победы размах!

Бег столетий не страшен коварный!
Узы братства с годами – сильней!
Выпуск наш – навсегда легендарный,
ты столетний пройдешь юбилей!

2006

КАЛОЕВУ

Я удивился, видит Бог,
Калоевской растяжке!
Взметнул он ногу, будто йог,
за воротник рубашки!
Ему за семьдесят пока!
Что в сто он нам представит?
Станцует в стойке на руках
и стол опять возглавит!

КОЗЫРЕВУ

Красив наш Козырев Коста!
Тут не при чем Воячек!
А, просто, он – один из ста,
кто крик души не прячет!

Тропу в науку проложив,
он, вопреки сомнению,
ведет научный коллектив
вразрез чьему-то мнению!

ПАГИЕВОЙ

Она умна, как Шатана!
Как Райкин – остроумна!
На вид – грозна, в душе – нежна,
в суждениях – разумна!

Ларисы Пагиевой суть –
быть острой, будто шпага!
Пусть впереди нелегкий путь –
назад ни на полшага!

ТЕДЕЕВУ

Когда мы вместе – нам легко!
Все чувствуется остро!
И наши музы, Шалико,
навек родные сестры!
Верстаем общих душ экстрим!
Пусть слушает эпоха!
Чего-нибудь, да сотворим,
а, может, и неплохо!

ДИДАРОВЫМ

Чета Дидаровых – Ардон
сегодня прославляет!
А наша встреча – странный сон
о Туле навевает!

Товарковский завод – стоит!
И сахар – тростниковый!
И арака во рту кипит!
Лишь губернатор новый!

ПОПОВОЙ

По-прежнему бела, мила,
Попова наша Света!
Вот только что-то не пила
в застолье до рассвета!

Всегда восторженна! Стихи
читает и мечтает!
Прочти немного чепухи!
Быть может, грусть растает!

КУШЕЕВУ

Он фитолазерофорез
внедряет беззаветно!
И, если б был богат, как Крез,
внедрил бы всепланетно!

Он – тепловидения гранд!
Им – мир не надивится!
Ему бы дать научный грант
и Нобель – воскресится!

ЦОГОЕВУ

Алан Цогоев нам открыл
души своей границы!
В «Алгусе» каждый ел и пил,
и тосты громко говорил,
и ржал, как кобылицы!

Тост на китайском языке
был выслушан друзьями!
Но он – мечтал об араке
и Асю ел глазами!

2006

ДРУГУ

Не памятником память сохраняем,
а образом – живым и молодым!
И день рожденья вместе отмечаем,
друг к дружке прикипел нутром своим!

Лежат цветы – гвоздики и тюльпаны,
из вазы улыбается герань...
Он – там, мы – здесь! И это очень странно:
зачем он бросил нас в такую рань?

Там, в глубине – спокойно и темно...
Ни подлости, ни хамства, ни заботы...
На Божий свет не создано окно,
не выданы на жизнь иную квоты.

Ростком зеленым в небо глянул клен,
и самогонка плещется в стаканах.
В свой день рожденья улыбнулся он,
увидев всех друзей своих желанных.

Машина в Хомяково понеслась,
мы едем от хреновины налево!
Летит из-под колес густая грязь,
и жизнь, как песня... Только – без припева!

2006

Р.Ю.А.

Струятся годы как вода
в течение бесконечном.
Дай Бог, крутиться навсегда
в потоке этом вечном!

Водой не стоит запивать
коньяк, ликер и старку!
Водой не будем заливать
пожар шашлычно жаркий!

Пуускай вода стекает с плеч
красивой дамы в душе,
с которой так приятно лечь,
вливая шепот в уши!

Пусть семь десятков лет пройдет
с момента юбилея!
В сто сорок кто-нибудь нальет
здоровья не жалея!

Мы экологию среды
нисколько не нарушим.
Тогда попьем, но не воды!
Бутылку, но осушим!

2007

ДВА В ОДНОМ ФЛАКОНЕ

Десять дней до Крещенья.
Святок сказочных дни.
Год две тыщи седьмой у истока.
В хороводе вращенья
вьются елок огни,
зажигая рассветы с Востока.

Два крутых мужика.
День рожденья – один!
За столами – извечные тосты.
Крепко держит рука
нарезной карабин.
На кабаньей охоте – не просто!

В этой гонке за зверем
в заповедных местах –
ни пера пусть не будет, ни пуха,
если мысленно сверим
стрелок ход на часах,
обострив ясность глаза и слуха!

Пусть Владимир с Василием –
мощный тандем,
оба два, но в едином флаконе,
будут в деле красивыми,
с ясностью схем,
мчаться в долгогодичном вагоне!

Пусть над ними витает
рождественский свет!
Пусть хранятся они небесами!
Пусть друзьям помогает
Университет!
С остальным – они справятся сами!

2007

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Страницы книги жизненной листая
нашел одну, которой только – год!
Купеева Володи внучка – Майя
объектом счастья в майский день цветет!

Взирая удивленными глазами
на этих дней сплошной круговорот,
к Тимур – папе и к Алине – маме
она на ножках мысленно идет.

Расти в любви родителей и дедов,
приумножая радость их друзьям!
Расти, в пути кручины не изведав!
Дороги ровной, без глубоких ям!

Пуская горит на трассе мироздания
зеленым светом жизни светофор!
И никогда не омрачит сознанья
препятствий мелких несерьезный вздор!

Пусть гор кавказских мощная преграда
ее от бурь житейских защитит!
Пусть снежных шапок легкая прохлада
на добрые деянья вдохновит!

Пуская Всевышний солнцем согревает
ее здоровья крепнувший росток!
Пусть ей сегодня каждый пожелает
цвести как майский сказочный цветок!

Открыта только первая страница,
пусть будет долгим многотомный труд!
Нам надо к бесконечности стремиться,
купаясь в счастье радостных минут.

2007

Ю.Н.С.

Для цыгана лошадь – это ветра свист,
вольной воли легкое дыхание,
где, дождями вымытый, свежий воздух чист,
где судьбы приходит осознание!

Николай Семенович! Вот и твой черед
заступить за планку юбилея!
В шестьдесят – пять лет идут за год!
Стаж растет. И жизнь нас не жалеет!

Николай Семенович! Так уж суждено:
жеребцам – конями становиться!
Мчатся вскачь! Иного – иного не дано!
Но не зря приходится крутиться!

Николай Семенович! Через сотню лет
мы придем к тебе на день рождения!
Так же будет солнце лить волшебный свет!
Ждать друзей – в застолье пробуждение!

Выгнув шею, гривою встряхнув,
вздыбась жеребцом перед кобылой,
будешь ты, на возраст свой махнув,
жизнь творить, как прежде, с юной силой!

2007

ТОСТ

Кавказ укрылся пеной облаков –
ему прохладно в общем потепленье,
когда в ущелья рушатся каменья
еще не овеществленных слов.
Но близится эпоха созидания
кирпичесловьем – будущего здания!

Родится тост, с которым стоит жить:
ЗДОРОВЬЕ – долголетия основа!
УДАЧА – к предсказаниям готова!
ЛЮБОВЬ – как их связующая нить!
Но в чем таится их взаимосвязь?
Куда приводит буквенная вязь?

Не может без любви удача быть!
А без здоровья – что с любовью станет?
Удача – без здоровья вмиг завянет!
А без удачи – есть ли смысл любить?
Вопросами ответив на вопрос,
совать не буду в глубь понятий нос!

Кавказских братьев близок мне удел,
здесь, на российском поле единения,
нам подарившем знак благословения!
Дай, Бог, друзьям – реальность добрых дел!
За сущность наших праведных идей!
За общий стол! За братство всех людей!

2007

Л.И.К.

Дао – вечно, неизменно, познаваемо частично!
Это путь, который длится без начала и конца,
без стремленья к славе личной,
уподобленной позору,
ибо достижение славы страхом выполнит сердца!
И паденье с пика славы – это тоже страх извечный!
Тихо к малому стремиться – значит многого достичь!
На словах – быть величавым, значит, в сути быть увечным!
Ручейком в стремнину влиться – бросить в будущее клич!
Мудрый Каменев спокойно с высоты глядит в ущелье,
потому что твердо знает – торопиться ни к чему!
Он ведет себя достойно, не выискивая щелей,
величаво наблюдая кто и как идет к нему!
Дао – в вечности пирушек и разгульного застолья,
там, где каждый, как в парилке, без погон и без трусов!
День рождения на Пасху – это праздник хлебосоля!
Значит, Леонид Иванович, будь удачлив и здоров!

2007

ПРОЩАЙ, ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ!

(Отрывок из поэмы)

ГЛАВА 10

Ты говоришь, похож я на отца.
Не знаю я, сестра моя! Быть может,
лишь только выражением лица
и осетинской продубленной кожей.
В пространственно-объемном представленьи
отцовский запах – ощущаешь ты!
В нем явственны знакомые черты,
естественно при виде их волненье...
Мы с ароматом прошлого живем,
грядущих дней несбыточности ждем,
но их страницы девственно чисты!
Рутинных дней безлика среда
заполнить их не сможет никогда!

Не верится, что цифра «шестьдесят»
в кабаньих годах догнать тебя сумела.
По-прежнему глаза твои горят
судьбой родных и праведностью дела.
В карьере нашей жизненной юдоли,
прости, не удалось тебе помочь!
Тягаться нам с судьбой своей невмочь,
всевышней предопределенной волей!
Все, как у всех... Лишь нет в душе покоя!
Маячит место вечного постоя...
День к вечеру, и неизбежна ночь!
В трясины быта канула мечта,
но есть – в реальной жизни красота!

Сплошное испытанье – жизнь твоя!
И ты несешь свой крест вполне достойно!
На первом плане у тебя – семья,
а на втором – опять семья невольной!
Припомним Сахалин, Борисоглебск,
шум примуса, сестренки хохот звонкий,
сгущенки сладость, аромат тушенки,
рук бабушки тепло, дубовый лес,
соленый вкус несбывшейся мечты,
Кавказских гор воздушные хребты,
детей любимых мокрые пеленки,
Махачкалы каспийский жаркий шорох,
надежд твоих не отсыревший порох!

Там Кызыл-юрт, и Рига, и Беслан,
боевиков чеченских автоматы,
и ранней седины густой туман,
и близких непомерные утраты.
По звуковым дорожкам грампластинки
скрипел иголкой старый патефон,
там «Вальс цветов», а, может, «Вальс-бостон»,
сбивали жар кипящий детской свинки.
Мы бредили в болезнях тяжело,
но с музыкой – нас покидало зло,
круженьем очищающим сквозь сон!
А лучшим исцеленьем на века –
была родная мамина рука!

Мы выросли у мамы под крылом,
она неразделимо с нами рядом –
«два–бульди–два» сидит вдвоем с отцом,
лаская нас своим влюбленным взглядом!
Бурлит судьба в пучине наших дней,
добро со злом мешая в винегрете...
Спокойствия не ждем на этом свете,
но не сдаем позиций, ей же ей!
Смирившись с планом, спущенным с высот,
судьба зазря от нас смиренья ждет!
Мы и в плохом – плохое не заметим!
Хвалу в хуле нам надо отыскать,
с улыбкой каждый новый день встречать!

Подольше младшей постарайся быть!
Я в этом – тоже заинтересован!
Еще лет столько надо бы прожить!
Тревожный чемодан – не упакован!
Как говорят китайцы, никогда
больших шагов нам делать не резонно,
поскольку мчаться долго и бессонно
не сможем без излишнего труда.
Но рядом быть и по-простому жить
пускай никто не сможет отучить!
Семья покой – совсем не ерунда!
Мой братский тост – живи, сестра, живи!
И, помни, мы не на словах – твои!

2007

БОРИСУ ИВАНОВИЧУ ЛЕОНОВУ

Мы от него не слышим стонов,
хотя бывает – все болит!
Борис Иванович Леонов –
ученый муж и эрудит!

Традиционно в день рожденья
собрал весь цвет АМТН*,
с которым счастлив, несомненно,
среди НИИИ ЭМТэшных** стен!

Глаза блестят, бурлят идеи,
в походке бойкой легок шаг!
Искусством мудрости – владеет,
а с дамами – султан и шах!

Перспективность в корне видит!
Друзьям своим – душой открыт!
Бездарность мысли – ненавидит!
И в Казахстан нанес визит!

К Армении неровно дышит,
и к разным русским городам!
Все видит, чувствует и слышит,
не знает счет своим годам!

Его визитка мощью дышит!
Мне не забыть ее вовек!
Его регалии нет выше:
Борис – хороший человек!

2007

* АМТН – академия медико-технических наук

** НИИИ МТ – научно-исследовательский институт испытаний медицинской техники

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ – 70!

Как ты живешь, Технологический,
душой и сутью – молодой?
Твой возраст вовсе не критический!
И не предвидится покой!

В тебе потребность не снижается!
Страна приподнялась с колен!
Студентов тьма – пускай вращается
между покрытых славой стен!

Пусть многократно юбилеится!
Зарплата вырастет в сто раз!
В наш век так хочется надеяться,
что имидж будет – высший класс!

Пускай эпоха созидания
полюбит вас! Пусть знаний свет
на новый уровень признания
поднимет славный факультет!

Что семь десятков? Возраст зрелости!
Как нежной дамы кринолин!
Года искрятся вкусом спелости,
но юбилей всегда – один!

2007

КОНСТАНТИНУ ВИКТОРОВИЧУ! ВЕЛИКОМУ ПОБЕДИТЕЛЮ!

Много разных имен из латыни
к нам явилось в смещение веков!
Имена – это код! И отныне
знаем мы, кто такой Судаков!

Константин в переводе – великий!
Но не ростом с Фаросский маяк!
Не владеньем толпой многоликой!
Не в размерах – величия знак!

Он велик по объему захвата
невозделанных мыслью полей,
что анохинский факел когда-то –
подхватил и пронес в юбилей!

Виктор – славный в пути победитель!
Но не в битвах, а в важных делах!
На решающий шаг вдохновитель,
революций творитель в умах!

Нет, не тот победитель в сраженьи,
кто сразил сотни тысяч врагов!
Кто себя победил – без сомненья
величайший по воле богов!

Мотиваций системные корни
кормят память, эмоции, стресс!
Что открыл он – никто не упомнит!
На бумагу ушел целый лес!

Гипоталамо-корковой тайны
вечный смысл распознал Судаков!
Квант системный совсем не случайно
почерпнул из космических снов!

Гениальность – подагры подарок!
Судаковка – подагре сестра!
Юбилей, возлиянием жарок,
будет длиться с утра до утра!

Доминирует главный пейсмекер –
мотивации верный отец:
ждем кусочек колбаски и крекер,
чтобы стопку поднять, наконец!

Наливая олигопептиды
в генетической браги бокал,
мотивируя мозга флюиды,
пьем за Ваш юбилей, АКСАКАЛ!

2007

ТАТЬЯНЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ЗАРУБИНОЙ

Склерозом кровотоchie загрублено!
Я на него свалю свою вину
за то, что в юбилейный день Зарубиной
не прикипел к бутылочному дну!

Корабль надежд в стеклянном облачении
не просигналил «всех наверх свистать!»,
а в обоюднo-искреннем влечении
понесся в море, вечное искать!

Прости, Татьяна, за мое склерозие!
Всевышний! Накажи мой тяжкий грех,
но, чтобы летом душу не морозило,
и нам на пятки наступал успех!

Безмерное мое к тебе почтение
прими, Татьяна, нынче и вовек!
За твой неповторимый день рождения!
За чистоту истоков наших рек!

2007

КОРЕНЬКОВОЙ ГАЛЕ

Гуляет холод по России,
в ночном ознобе города,
но дня и жарче и красивей
мы не встречали никогда!

К суровым скалам Валаама
и незабвенных Соловков
наш общий путь нацелен прямо:
в сплетенье нежно-добрых снов!

Твой день рожденья, Коренькова,
изменит климат на Земле!
К вселенским вспышкам будь готова,
пока бутылки на столе!

Заздравный тост всегда не лишней,
звучит, как колокольный звон!
Услышь наш голос еле слышный
за тыщу верст! Но близок он!

Виват тебе, подруга наша!
Всевышний пусть хранит тебя!
В день вновьрожденья Гуль и Саша
с тобой: надеясь и любя!

2007

ДРУГУ НА СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ

Выпьем дружно, братцы, по единой,
ну, хотя бы за сто шесть с полтиной!
Значит, в моей столетний юбилей
сможем вместе экстренно собраться,
в Вашем мирном доме повстречаться,
чтоб крикнуть весело: «Налей!»

Мы тогда сравниемся годами,
ибо будут сотни за плечами,
ну, а шесть с полтиной – пустяки!
Как всегда твоя жена нас встретит,
лет мелькнувших – просто не заметит,
скажет: «Заходите, чуваки!»

Говорить про семьдесят – не надо!
Столько лет еще идти нам рядом!
Надо жить, не тратя лишних слов!
Будем рады каждому мгновенью:
солнца – свету, ветра – дуновенью!
Ну, а ты, дружище, будь здоров!

2007

30 ЛЕТ

Больницы не зря называются МУЗами*!
Не чужд им волнующий стих!
С микробными можно бороться союзами,
лишь ритмами знаний своих!

Наука плюс опыт – итог гарантируют,
где даже летальности – ноль!
За эти дела вас пускай инвестирует
чужой иорданский король!

Лечить малышей – ваша участь бессонная,
в которой поносы и бред!
Четвертая! Детская! Инфекционная!
Живи в бесконечии лет!

2007

* МУЗ – муниципальное учреждение здравоохранения

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРКИ

*«Верные слова не изящны.
Красивые слова не заслуживают доверия»
Лао-цзы*

Четыре четверки всегда не случайны!
Четыре четверки – по жизни урок!
Четыре четверки мигают свечами!
Четыре четверки – небесный намек!

Четвертым числом обозначены даты,
в которых сплелись не одни рубежи!
Где каждая цифра, как подвиг солдата,
прикрывшего пядь у заветной межи!

Четверг на неделе – по счету четвертый!
Он – чистый! И дождик – его адвокат!
Как жаль, что поездки по трассе истертой
тогда не случилось в родной Тулаград!

На будущий год, в сорок пять, без сомненья
напомнят, что ягодка зреет опять!
А сорок четыре – пора просветленья,
которую долго приходится ждать!

Пусть ДАО велит оставаться в покое,
в молчанье заветное слух обратив!
Мы с вами не знаем, что это такое
и путь наш деяньями будет красив!

Живет в воплощении слов не изящных
их сущность и верность, сомненьям назло!
Все ближе творение дел не пустячных!
И время для них наконец-то пришло!

Пусть корни татарские предков далеких
питают ордынским богатством счета!
Но помыслов пусть не коснется высоких
Желаний мидасовых сверхпустота!

Теперь разберемся, что значит ЭЛЬВИНА!
Раз ЭЛЬ, значит добрый и в кружке хмелен!
А следом – бурлят ароматные ВИНА
наследием сверхвиноградных времен!

Не знаю, при чем тут четыре четверки,
но хочется чарку хмельную поднять!
И пусть мы теперь для Китая – задворки,
но это не повод, чтоб нам не принять!

Четыре четверки – красивая дата!
Четыре четверки – запутанность слов!
Четыре четверки – живите богато!
Четыре четверки – шестнадцать годков!

2007

ВПЕРЕД!

Для того и даны дни рождения,
чтоб о прошлом услышать отчет,
об истории «руководения»
департаментом наших забот!

Кто сумел, пересилив желания
и московской прописки пакет,
перестроить на Тулу внимание,
чтоб в Росздраве оставить свой след?

По-военному четко и точно:
«Честь имею!» сказать – и пойти
делать дело надежно и прочно
не теряя азарта в пути?

Скептицизма стена – развалилась!
Да! Полковник – облздравом рулит!
В нем научная мысль сохранилась
и хирургом – не просто стоит!

Попадая мечтой о лечении
недвусмысленно в глаз, а не в бровь,
просят дамы его о включении
в нацпроект под названьем – Любовь!

Что природа на нем не вздремнула,
можно смело сейчас утверждать!
Не Москва здесь за нами, а Тула!
Потому и нельзя отступить!

2007

НА СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ

Хорошие люди
уходят от нас безвозвратно!
А мы – остаемся
в неясности тяжких потерь!
На солнце – от горя
чернеют кровавые пятна.
В земные чертоги
внезапно захлопнулась дверь...

Он больше не будет
с друзьями смеяться по-детски!
Улыбка на фото,
быть может, мелькнет, будто след
поступков его
и не сверстанных дел молодецких,
и мыслей его,
у которых названия нет!

Сжимались пружиной
судьбой отведенные годы,
как будто готовили
этот уход в беспредел!
Для нефти и газа
прокладывал трубопроводы,
но жизнепровод для себя –
проложить не сумел!

Застыла прощально
судьба грандиозных проектов,
притих озадаченно
кладезь науки – ТулГУ*,
построились ели
вокруг буныревских проспектов,
и ветер всплакнул
на вашанском крутом берегу...

Ему салютует
охотничье дикое братство,
жужжанием пчелы
прощаются с прахом его...
Супруга и дети –
семьи основное богатство –
скорбя по утрате,
не видят вокруг ничего...

Немеют друзья,
понимать эту смерть не желая.
Прости их за то,
что тебя не смогли уберечь!
Прости и прощай!
Знать, Всевышнего воля такая!
Пусть память хранит
теплоту наших дружеских встреч!

2007

* ТулГУ – Тульский государственный университет

СОРОКОВИНЫ

Отшелестело сорок дней,
как будто сорок лет...
Там – нет разборок, кто главней?
И дней рождений нет!
Там – он предстанет в этот час
пред вечным судьей.
Быть может, вспомнит он про нас,
не принятых землей!
Дубки над ним в строю стоят –
почетный караул!
Их листья золотом горят,
далек метелей гул...
Тропу кабанью занесет,
В холодном декабре...
Мы ждем! А, может, он придет
на утренней заре?
Но нет его! Ружье лежит,
патронов не вкусив...
Спокойно в чашу зверь бежит,
довольный тем, что жив...
Глядят родные и друзья
сквозь слезную капель.
С печалью справиться нельзя
и не поможет хмель!
Он за столом в последний раз:
тарелка и прибор!
Знать, выстрелил рубежный час,
внезапно и в упор!
Отшелестело сорок дней,
как будто сорок лет...
И оказалось, что нужней
его на свете нет!

2007

УШЕДШЕЙ

В ином миру она теперь спокойна:
там нет забот, нет мужа, нет детей.
Там нет болезней, не грохочут войны,
нет горьких слез, улыбок и страстей!

Ее душа рассеяна в пространстве,
но в ней остался след земных обид,
который по пути вселенских странствий –
нет, нет, да и с Землей заговорит!

То каплями дождя прольются слезы,
то солнца свет – улыбку отразит!
Упреками души грохочут грозы,
стреляет град падением навзрыд!

Ушедшая, она осталась с вами!
Что было, есть, что будет – все одно!
Пускай нельзя обнять ее руками,
но есть во сне свидания окно!

Она теперь нигде, а, значит, рядом!
То мужа ненароком пожурит,
то сына озарит влюбленным взглядом,
то дочь за все, что случилось, укорит!

Она теперь – вибрация эфира!
Ну, а для вас, угасшая звезда!
Небесный рай – теперь ее квартира!
Земная память – пусть живет всегда!

2007

НА СМЕРТЬ ЛАШНЕВА С.Т.

Он ушел туда, где поспокойней,
но покоя в жизни – не искал!
В пятьдесят – он выглядел достойней,
чем седобородый аксакал!

Накануне дождь хлестнул по крышам,
воскресенье вербное умыв.
Может, кто рыданья в нем услышал,
может, просто, траурный мотив?

В небесах эфир молчаньем дышит,
нет бумаг, приказов и звонков...
Там никто «служебные» не пишет,
разбираться в письмах не готов...

За очками глаз никто не прячет!
Нет вопросов! Ни к чему ответ!
Нет проблем семейных! Нет удачи!
Да и жизни, в общем, тоже – нет!

Он сроднился с нашим факультетом!
Как ребенка пестовал его!
Сутками работал и при этом
не просил у неба ничего!

Как мечтал он с нами научиться
уравнений каверзность решать,
чтобы долголетия добиться!
Даже научиться воскрешать!

Тщетно все! Свихнулась асимптота!
Хаосом фракталятся года!
Он ушел. Захлопнулись ворота.
Мы осиротели навсегда!

2008

«ПОКА ДЫШУ, НАДЕЮСЬ!»

«Dum spiro, spero!» Этот постулат
веками обнадеживал науку!
Дыханию надежды всякий рад,
кто чувствовал в беде поддержки руку!

Источник мудрых, сокровенных слов!
Фамилией на «А» своей – бессменной
не только в списках первым быть готов,
но и в науке – лидер неременный!

Известен Николай Агаджанян
многочастотным спектром направлений!
И глубиной, как озеро Севан!
И значимостью – выше всех сомнений!

Эколога-этнический раздел
и хроно-медицинские проблемы,
и авиакосмический задел –
нет для него необозримой темы!

Из-под густых, насупленных бровей,
как будто Мефистофель грозных правил!
Ну, а на деле, нет его – добрей!
Ведь он учеников – собой составил!

Восьмой десяток – разменяв в пути,
стремится вновь к познанию Вселенной!
Пускай здоровье сможет он найти,
блуждая по тропинкам жизни брэнной!

Пусть этот век пройдет в лихих боях
за философских истин разноцветье!
И громогласно, как обвал в горах,
нагрянет тост грядущего столетья!

2008

СЕРЕБРЯНЫМ ЮБИЛЯРАМ

Серебряная свадьба в феврале –
струны волшебной звонкое дрожанье,
предчувствие несыгранных ролей,
грядущей светлой музыки звучанье!

Пришло, как сон, девятое число!
Скользнуло время, словно с горки сани!
И, вдруг, в потемках жизни рассвело,
как будто солнце вспыхнуло в тумане!

Галина и Владимир – два в одной
семейно-прочной и красивой связке!
Им – двадцать пять, их возраст – проходной
в день завтрашний, где золотеют краски!

Не зря у Гали в этот самый день
случился факт явления народу!
Двойное счастье отмечать не лень
друзьям, привыкшим пить не только воду!

Нам «будьмо гэй» кричать не привыкать,
хоть до исхода века не смолкая!
Но юбилей положено встречать,
под крики «горько» стопки поднимая!

Пусть будет сладко в ваши двадцать пять!
Пускай у дочек будет все в порядке!
Пускай не надоест друзей встречать!
Пусть счастья куст растет на вашей грядке!

2008

МОЛОДОМУ, ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЕМУ

Пусть время, будто снежная лавина,
несет нас вдаль, и нет пути назад!
Мы славим день рожденья осетина,
которому сегодня – пятьдесят!

Не знаю, где Стырдон (или Джоджора),
а где долина Козская в горах!
Но выросли на сунженских просторах
потомки тех, кому не ведом страх!

Известно, что кударцы – это скифы!
Что «Царазонта» – воины навек!
В фамилии «Качмазовы» – не мифы,
в ней отразился рокот горных рек!

Добрался Ростислав до перевала!
А там – вершины новые видны!
И пусть в прошедшем сделано немало,
для бóльших дел Качмазовы нужны!

Есть сыновья – есть продолженье рода!
Качмазовский характер прям и крут!
И, хоть у них бойцовская порода,
но войны – пусть в историю уйдут!

Уастырджи своим крылом надежным
пускай укроет славную семью!
За этот век, чтоб не был он тревожным!
За юбилей полсотенный я пью!

В двадцать втором столетье – пусть стареет!
Пусть будет с ним бесчисленность друзей!
В три тысячи восьмом пускай созреет,
нас пригласив на новый юбилей!

2008

НЕГАЙНОЕ, ЮБИЛЕЙНОЕ

Пусть, как и прежде, я на «Волге» еду,
а он на джипе трассой шелестит,
но над годами праздновать победу
Всевышний никогда не разрешит!

Вот и еще одно десятилетие
на мониторе высветилось вмиг!
Густеет нашей памяти соцветие,
слова грустнеют сквозь веселый стих!

Сменилась анекдотная тематика,
настигла зрелость с цифрой шестьдесят!
Сложнее стала жизни математика,
хотя глаза по юному горят!

Пуškai вовек реформы пенсионные
не омрачат друзей моих житье!
Пуškai они проблемы миллионные
решают вмиг и разом, е-мое!

Хотя нам ждать «чего-то» не приходится,
надежду прошлых дней – не подведем!
Пока идеи свежие находятся,
обвалы рынков мы переживем!

Негая голос в телефонной трубке
пускай, как прежде, гонит скуку прочь!
И пусть коленки из-под мини-юбки
влекут его, как в юности, точь-в-точь!

Желая в юбилеи долголетия,
Всевышнего не будем напрягать!
Трудись, Володя, до конца столетия
и от друзей не думай отдыхать!

2008

БАКЛАНЫ ВНЕСЕНЫ В «КРАСНУЮ КНИГУ»

Пусть льется время в чашу бытия
секундо-каплями, часо-потоками,
но не иссякнет мощная струя
и нашу жизнь не ограничить сроками!

Совсем не старый «Старый дворик»* наш!
Тут не при чем февраль и день рождения!
Когда по жизни вечный ералаш,
в крови играет детства наваждение!

В крови играют также сахара!
На день рожденья надо им расслабиться!
Пускай простят коллеги доктора,
но сладкий путь не только мухам нравится!

Нам «Красной книги» в жизни не видать!
С Баклановым мы лишь чуть-чуть бакланы!
Пришли его поздравить и обнять
эротики и секса ветераны!

Пусть он живет пять раз по пятьдесят!
Пусть у него не гнется, не ломается!
И пусть всегда, как много лет назад,
от взглядов женщин что-то поднимается!

2008

ВАЛЕРИЮ АЛФЕРОВУ

Кто в химию приоткрывает двери,
ребят впуская в Университет?
Алферов! Не Жорес, а наш Валерий –
естественнонаучный факультет!

* «Старый дворик» – ресторан в Туле

Он там деканит, отдыха не зная,
но на охоте – может пострелять!
И, в сердце зверя метко попадая,
валентностей не будет занимать!

Вращаясь электроном по орбитам,
меняет их намеченным путем,
врываясь элементом не открытым
в зияющей неясности пролом!

Он и на фото, и по жизни – молод,
но тоже шесть десятков разменял!
Ему не страшен пенсионный холод,
хотя и носит званье – аксакал!

Пусть удастся в бытовой текучке
вершить лавину многотрудных дел!
А в наших дней невиданной толкучке –
пусть не собьется жизненный прицел!

2008

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЕДИНОГО ГОСЭКЗАМЕНА (ЕГЭ)

Кто пьет в февральский двадцать третий день
за год рожденья Армии державной,
тот должен знать, что не упрятать в тень
мгновенный юбилей из жизни славной!

Что не подскажет ни один ЕГЭ,
так это – важность для потомков чина:
зав. кафедрой с названием АиГ*?
Отца иль мужа? Доктора иль сына?

Кого признала сложная семья
всей области известного роддома?
И почему ему от «а» до «я»
все в акушерских таинствах знакомо?

* АиГ – акушерства и гинекологии

Чего его студенты не молчат,
итоговый экзамен свой сдавая?
Зав. кафедрой, конечно, виноват,
премудростям про женщин научая!

Кем славится глубинная Дубна,
и город Киров, или, просто, Вятка?
Не пишут журналисты ни хрена!
А он и Туле предан без остатка!

Чем можно опыт жизни заменить
подаренный ему в ночах бессонных,
когда узлом к узлу сплеталась нить
в тиши баталий операционных?

Кому мы благодарностью полны
за юбиляра, что от счастья тает?
Родителям! И нет такой цены,
которая их роль определяет!

Чему нас учит праздничность столов?
Ценить родных и близких, и друг друга!
Не верить в пустоту цветистых слов,
а только в вечность дружеского круга!

О ком сегодня тостов водопад
гремит в застолье радугой словесной?
О чем сигналиит цифра пятьдесят
своей неповторимостью чудесной?

Вопросов – много. Есть один ответ!
Сегодня юбилярит доктор Волков!
Пусть он живет пять раз по столько лет,
а мы – за ним! Как нитка за иголкой!

2008

БРОДОВСКОМУ ВАЛЕРИЮ

Нас упрекают в жизни сладкой
за то, что с ночи до утра
в густой крови, на сласти падкой,
вовсю гуляют сахара!

Бывало, что и мы гуляли,
хлебали водку, а не чай,
но разум свой не пропивали,
когда кричали: «Наливай!»

Мелькнули шестьдесят с полтиной!
А это вам – не двадцать пять!
И все же горькости осинной
не подсластить, не оправдать!

Вся наша жизнь – «картина маслом!» –
в Одессе кто-то говорил.
Что было в прошлом – не напрасно!
На завтра бы хватило сил!

Судьбы помпезное крещение
на нас оставило свой след:
то переломов не сращенье,
то непокорный диабет!

Но для унынья нет причины!
Весна берет свои права!
И не случайно у мужчины
от женщин – кругом голова!

Пусть шестьдесят с полтиной станут
началом будущих дорог!
Пусть нас болезни не застанут
ни в одиночку, ни врасплох!

2008

КАМЕНЕВУ

В апреле – дома не сидится!
Настала черед удач!
Есть юбилейная больница!
Есть юбилейный главный врач!

Название – на весах не взвесить,
но можно тулякам сказать:
есть МУЗ больница номер десять,
нет – медсанчасти номер пять!

Хотя строителей творенье
стоит в Мяснове много лет,
мы отмечаем день рожденья
не как вчерашний пыльный след!

В ней изменилось содержанье!
Не нацпроект, а, как и встарь,
Придал ей новое звучанье
больницы опытный главарь!

Но нацпроект был тоже нужен!
Где деньги есть – вопросов нет!
А новый имидж был заслужен,
как символ будущих побед!

Главарь старался быть полезным,
берясь за уйму разных дел!
Взвалил на плечи профболезни,
и в этом славно преуспел!

Но вот «спасибо!» – не дождался,
затем, что гнутья не умел!
В «Заслуженные» не прорвался –
лизать кому-то не хотел!

Боксерский навык не забылся,
умеет он держать удар!
В атаках жизни – не раскрылся!
И в сердце – негасимый жар!

Большой знаток литературы!
Неутомимый книгочей!
Он знает тайны партитуры
волшебной музыки ночей!

Любитель странствий по Европе,
Россию всю исколесив,
не может он сидеть на жопе
под балалаечный мотив!

Белеют в Петербурге ночи,
над курским полем зной кипит,
на Мальте он – когда захочет,
и в пражских кабачках сидит...

Своих друзей – большой ценитель,
спешит на помощь к ним придти!
Он всех поэтов вдохновитель,
и к музам может путь найти!

Быть может дом в глуши Мянова
наш друг достроит, наконец?
Но, а пока не все готово,
дарю отделки образец!

2008

ОПЯТЬ БОЛЯСОВ НАРОДИЛСЯ!

Грешить нам можно! Только – в меру.
Тем более – в Великий Пост!
Но, как не сочинить, к примеру,
Болясову заздравный тост?

Он, пальцы на ходу теряя,
про день рожденья не забыл!
«Стопарь» в застолье поднимая,
живет не из последних сил!

Хоть должность с плеч его свалилась,
Володя знает свой удел!
Когда бы, что бы не случилось,
он не останется без дел!

Теперь, конечно, реже – кошки
зовут на крышу погулять.
Людмила – свет в его окошке!
На том и будет он стоять!

Но от весны – не отвертеться!
Пусть ночью царствует мороз!
А в воздухе – витает детство
и навевает радость слез!

Вином бушует сахар в венах,
забраживая новый день!
И, вроде бы в привычных стенах
нам поднимать бокал не лень!

Опять не помню, год, который
сегодня надо отмечать!
десятилетия повторов
мне ни за что не избежать!

Всевышний этот тост услышит
и новый век подарит всем!
Пока весна над ухом дышит,
живи, Володя, без проблем!

2008

ШУРИКИ

Хоть неизбежно в жизни нашей брэнной
придет склероз, кричи, иль не кричи,
не стоит забывать, что наши члены –
не только для сливания мочи!!

Чтоб не путались ветры с ветрами,
не равнялись бы судна с судами,
чтоб не вызвать смятенья в народе,
дайте нам попердеть... на природе!

Мы с годами становимся слабы!
Ну, на что это, братцы, похоже?
Раньше снились раздетые бабы,
нынче снятся размытые рожи!

То ли сладкая клубничка загубила инсулин?
То ли – след того, что выпито и съедено?
Диабет второго типа – он для всех, про всех един!
Рассуждается легко! Послеобеденно...

Проходит медленно, печально
за годом – год, за солнцем – свет...
и остается за плечами
дорога, где ни – да, ни – нет!

Системы наши – не случайные,
но в них случайностей – полно!
В них флуктуации печальные,
как будто в патоке г..но!

Он с чувством нежности к жене –
спешил с работы! К ней, домой!
Но, можете поверить мне,
что он спешил к жене чужой!

Живем, как пуля на излете
перед последним кувырком,
когда сознание приходит,
что ты летел не тем путем!

Корабли – не плавают, а ходят!
Их морские волки в море водят.
Плавать может только лишь судно,
то, в котором плавает г...но!

Его струя все выше, выше!
Прогресс подобный – не у всех!
Пока еще не выше крыши,
но, то, что есть, – уже успех!

Струю нельзя купить за бабки!
Она «тече» иль «не течет»!
Когда-то капало на тапки,
Теперь – коленки все в моче...

Чтоб в Новый год и есть и пить –
Придется памперсы купить!

2008

Πρόζα

ДОРОГА НА ДОМОДЕДОВО

Дорога на Домодедово поворачивала с основной симферопольской трассы и уходила куда-то в темноту. Мороз набирал градусы, ветер выдувал с трудом накапливающееся в машине тепло, черное небо посверкивало съезжившимися от холода звездами. На поворотном знаке указаний, что в этом направлении будет аэропорт – не было. Водитель сдал назад и, проехав несколько километров, увидел такой же указатель «Домодедово». «Ну, наверное, это и есть правильный путь. В прошлый раз пришлось петлять по каким-то деревушкам много часов, но тогда я сворачивал, кажется, на первом указателе! Только почему-то направление на аэропорт и сейчас не обозначено! Обычно бывает белый силуэт самолета на синем фоне!»

У водителя именно в этот день был день рождения, который почему-то мужчины особенно отмечать не любят. Ему стукнуло сорок пять, и, если женщины в такую дату стараются похвастаться, что они «ягодки опять», то на память ничего ягодного, даже клубничного, не приходило. «Детство...», как он любил повторять «...было трудным, поэтому сахар и конфеты люблю!» «Эх, приехал бы сейчас свояк из Питера, может, удалось бы уговорить шефа хоть сегодня не крутиться по морозу! Сидел бы, да разведенный и настоящий на травках спирт прихлебывал за компанию!»

Правда, последние годы пить ему приходилось не много. Постоянно за рулем. Да и случалось всякое. Как выпьет – сразу «на подвиги» тянет! То соседу мозги вправить за украденную им канистру. То «покачать права» участковому. Или, как летом, схватиться с охамевшими отморозками, «подрезавшими» машину, на которой они с соседом (другим, не тем, кому хотел начистить морду) ехали на шашлыки вместе с женами, чинно и благородно. Сосед был за рулем. Машина, мчавшаяся навстречу, без указания поворота, резко свернула влево, подставилась правым боком, едва увильнув от столкновения. Обложив лихача через открытое стекло рукописными выражениями, подумалось, что конфликт исчерпан. Но, спустя две минуты, эта же тачка с четырьмя дебильного вида мордovorотами оказалась впереди и, повернув вправо, на их полосу движения, перегородила путь, в результате чего получила удар в зад и вмятину на нем. Четверка «бойцов» вылезла из машины, поигрывая бейсбольными битами, и направилась к съезживше-

муся за баранкой тщедушному, больному, казалось, от рождения, соседу. Мат загрохотал в свежем утреннем воздухе, вздувая придорожную пыль. Пришлось вылезать из машины, сунув в карман складной перочинный ножик (на всякий случай... против четырехто бит!) Полученный мощный удар битой по ноге и опасение за жизнь женщины и трясущегося от страха соседа составили предмет того самого случая. Выхватив из кармана ножик, он резко полоснул им, зацепив одного из нападающих. Те, не ожидая сопротивления, сдрейфили, один из них схватился за мобильник и начал названивать друзьям. Через несколько минут, прошедших в словесной перепалке, появились две машины, одна из которых – милицеевская, гаишная. Видимо отморозки были тесно связаны с доблестными стражами общественного порядка на дорогах России, которые начали, было, «осмотр места происшествия», хотя расположение автомобилей ясно говорило о его виновниках. В это время в подошедшую машину перегружались биты и свертки, по форме соответствующие перепрыгиваемым «стволам», после чего приехавшая иномарка исчезла. Но в ту сторону ни один из «ментов» не смотрел. Зато они с пристрастием приступили к выяснению места нахождения ножа, нанесшего «телесные повреждения», которые по сравнению с огромной синей гематомой на бедре после удара битой, были простой царапиной. Однако водитель не первый раз встречался с «особенностями национальной милиции» и сразу по появлении «голубых» номерных знаков – неуловимым движением «сбросил» злополучный ножик в кусты. Но, как оказалось впоследствии, целью всей случившейся акции было «выкачивание» денег из «лоха». Хотя словесно было достигнуто «перемирие», после прохождения медицинского освидетельствования, начат был «накат» на участников и угроза «открыть дело». Пришлось прибегнуть к помощи одного из знакомых шефа, генерала из Москвы, который одним звонком успокоил деятельность разбушевавшихся «ментов», испугавшихся перспективы прогнать на всю страну, как «оборотни в погонах». Кстати, через четыре месяца после случившегося, их все-таки обвинили в серии разбойных нападений на дорогах, осуществлявшихся совместно с «мордоворотами».

Дорога в Домодедово была давно не чищенной, плохо освещенной, указателей никаких не было. Темнота, ветер, вздымающий снег с обочин, редкие огни далеких селений, ворчание шефа – настроения не поднимали. Тот боялся опоздать на самолет и хмуро

поблескивал выпученными глазами из-за стекол очков, выдавливая из себя на ухабах выражения средней крепости. Прошло более часа. Показались вдаль и вновь исчезли огни осветительных фонарей аэродрома Домодедово. Еще около часа петляли по населенным пунктам, никак не приближаясь к цели. «Хорошо, что выехали пораньше!» – подумал водитель, взглядываясь в темень. Сделав несколько попыток выехать в нужном направлении, они оказались около круглосуточно работающего магазина, и, хотя было около двух часов ночи, в нем были видны люди. Поспрашивав у женщин и двух помятых жизнью бомжеподобных парней о дороге, и получив противоположные ответы, обратились к мужчине в милицейской форме. Тот указал направление, по которому им еще долго пришлось катиться, пока не показался контур перестраивающегося аэропорта.

Несколько успокоившись, они поднялись в здание, остановились у входа. Шефу еще предстояло дождаться коллегу, летевшего с ним.

Предстоял обратный путь, который решено было проехать по известному маршруту – до окружной дороги, затем налево и еще раз налево, к съезду с Варшавского шоссе на симферопольскую дорогу. Водитель кожей ощущал тепло дома, где ему предстояло встретить уже прошедший день рождения. Время пробежало быстро, через два с небольшим лишком часа он въехал в город, предчувствуя скорый отдых. Слева подмышкой тяжело и успокаивающе расположился подарок шефа – пистолет «Макарыч», похожий на своего грозного родственника, но гладкоствольный, стреляющий металлическими шариками, разрешенный к постоянному ношению. Дорога стала чревата неожиданными и не всегда безопасными встречами. Применять оружие по пустякам он не собирался, потому что понимал, что исход любого, даже ослабленного, выстрела может быть чреват любыми осложнениями и увечьями. Но мысли – быть остановленным и безнаказанно истерзанным на трассе он не допускал.

Вдруг машину резко повело. Остановившись, он увидел, что правое переднее колесо вывернуто наружу. «Все! Шаровая опора полетела!» – мелькнуло в голове. До дома оставалось езды пять минут, но машину не бросишь! Уташат и разберут за полчаса!

Натянув шерстяную шапочку, шарф, застегнув полушубок, он начал поиски проволоки, чтобы кое-как закрепить колесо. Как назло –

ни одной машины! Часа через полтора появился гроыхающий грузовик, водитель которого дотащил его до дома.

Если бы на повороте он обернулся назад, то увидел бы промчавшийся мимо минивен «Ситроен», а внутри разглядел бы дремлющего шефа, срочно возвращавшегося домой.

Оказывается, дождавшись коллегу и проходя на посадку, шеф был остановлен работницей аэропорта. Взятый им из дома паспорт был старым, давно обменным на новый, по которому и брался авиабилет. Но по ошибке, точнее, из-за начавшего наступление склероза, а также из-за невнимательности старый паспорт не был выброшен, а почему-то оставлен. Его нахождение в доме объяснялось тем, что обмен паспортов осуществлялся «по знакомству», в виду утери старого. Но потом старый паспорт нашелся и валялся меж документов.

Необходимо было срочно решать, что делать дальше. Вызывать по мобильнику водителя назад не хотелось. Все-таки день рождения, да и договорились на время командировки отключить телефоны. Увидев минивен-такси с молодым парнишкой за рулем и отключенным счетчиком, шеф забрался вовнутрь и попросил довезти его до Москвы. В разговоре выяснилось, что за три-четыре тысячи он может доехать до места жительства и обратно. На том и порешили. За два с половиной часа ему удалось добраться до дома, заменить паспорт и, затратив еще столько же время, вернуться в Домодедово. До следующего рейса оставалось чуть-чуть. Официальным путем взять билеты не представлялось возможным. Спросив у мелькнувшего мимо смуглого человека в непонятной униформе о пути решения вопроса, получил в ответ цифру в долларах, за которую будет осуществлена посадка на любой нужный рейс. Получив согласие, человек вынул из кармана чистый авиабилет, быстро заполнил его, прошел вместе с заказчиком все необходимые процедуры, вплоть до паспортного контроля, и, получив расчет, мгновенно исчез из поля зрения. На все эти действия у него ушло не более пяти минут. «Эх! Так бы официально все работали!»

Был солнечный день. Мороз не спадал. В посадочном зале раздавался грохот отбойных молотков-перфораторов. Шел вечный ремонт помещений. Присев на сиденье, шеф услышал из мощных динамиков, звук которых перекрывался длинными пулеметно-пушечными очередями перфораторов, что рейс задерживается на

полтора часа по техническим причинам. «Ну, как всегда! Можно подремать, лететь еще долго!»

Ему приснился другой аэропорт, в Шарм-эль-Шейхе, куда несколько лет назад его забросила судьба. Там за доллары также просто можно было получить не то, что марку на въезд, оформленные документы, но и все, что угодно. Дорога от аэропорта уносилась вдаль между грязно-серого цвета глинисто-песчаными барханами, водители лихо рулили, устраивая между собой гонки, часто заканчивающиеся катастрофами, особенно, если рука водителя покоилась на бедре какой-нибудь полненькой туристки именно таким образом экономящей дорожные расходы.

В «рецепиэн» отелей работали уже по несколько лет русские девчонки, пытающиеся как-то обеспечить свою жизнь в далеком Египте. Но у них появлялись конкуренты. Молодые египтяне стали усиленно осваивать иностранные языки, особенно русский, поскольку в зимнее время основные посетители курортов – наши земляки. Туристический бизнес стал основной статьёй доходов живущих на побережье Красного моря. Припомнился один из депутатов городской Думы, ежеквартально приезжающий сюда на две недели для подводных путешествий с аквалангами, дайвинга, полюбоваться скатами, муренами, ярко-цветастыми рыбами, кишацими среди коралловых рифов, чтобы, отдохнув душой и телом, вновь продвигать устланые городских улиц производимыми на подведомственных ему ООО фигурными плитками. Среди отдыхающих – повара, учителя, врачи, мелкие бандиты, профессора, те, кто случайно, или с помощью своих влиятельных знакомых решились хоть раз побывать за границей на отдыхе, тем более, что по цене эти путешествия стали не отличимыми от отдыха в родных Сочи и теперь уже заграничной Ялте, ранее бывших доступными для всех, включая студентов.

Объявили посадку. Ожидающие придвинулись друг к другу вплотную, надеясь на ускоренное продвижение вперед. Грохот отбойных молотков прекратился. Внезапно появилась сильная загрудинная боль, отдающая в спину, похожая на удар какого-то предмета. Пошарив рукой по жилету, он нащупал (или ему это показалось?) круглый металлический шарик, размером около сантиметра, похожий на большую дробину. Где же он видел такой?.. Кажется, в патроне от «Макарыча»? Достав таблетку нитроглицерина, положил ее под язык. Через минуту боль стала утихать, потом прекра-

тилась. «Наверное, стенокардия!» – была последняя мысль, посетившая его.

За минуту до этого рано проснувшийся водитель вынул свой пистолет, чтобы опробовать прицел и определить дальность боя. На стене сарая висел лицом к стене старый предвыборный календарь, на котором шеф был изображен по пояс. Заметив чистый, пожелтевший от времени лист бумаги на стене, водитель отошел на пять шагов, прицелился и выстрелил. Когда он снял лист со стены и перевернул его, то увидел, что место попадания пули соответствует уровню сердца. «Ну, надо же! Вот это целкость!» – подумал он и, смяв бумагу, выбросил ее на кучу хлама в угол.

Завывая и мельтеша сигнальными огнями, к аэропорту мчалась теперь уже никому не нужная «скорая».

2006

ДРУЖБА

Равиль высоко ценил дружеские отношения между людьми. Но всегда соглашался с бытующим мнением, что друзей много – не бывает. Знакомые, приятели, объединенные то детством, то службой в армии, то учебой, то совместными делами, – неизменно были рядом с ним: и в застолье, и в бедах, и во всех перипетиях теперешнего бытия. И лишь однажды ему пришлось испытать на себе, казалось бы, невозможное, – непорядочный поступок человека, достаточно близкого по жизни.

Занятие коммерцией в дикие восьмидесятые и девяностые годы обогатили его и сделали авторитетным на всю округу. Родственники, друзья, соседи, просто знакомые – чуть не наперегонки стремились к дому Равиля, больше похожему на старинный замок. И все они находили здесь сочувствие, получали добрый совет и значительную финансовую поддержку. Он не был жадным и не обращал внимания на то, что на полученные от него «халявные» деньги возводятся гигантские особняки, покупаются хромировано-лаковые джипы. Он по сути не был и не чувствовал себя «добрым баринном». Просто – его душа чересчур широко распахивалась навстречу окружающим, которые наладили поток добрых дел только в одну сторону. К себе!

А пора тогда была жестокая, непонятная, незаконная. Воровали все – от «бомжей» до президентов. «По быстрому» восполнялись прорехи социалистической «уровниловки». Случилось так, что несколько сот тысяч долларов им с компаньонами были перечислены в отдаленную республику Бурятию под гарантии тогдашнего ее президента на очередную «президентскую программу». Но, вместо ожидаемой прибыли, случился конфуз. Коллективные «бабульки» были благополучно растасованы по личным, и не только бурятским, карманам. Приснопамятный «дефолт» прикончил оставшийся кусочек надежды на возврат денег, пусть и без «навара». Кредиторы (бывшие компаньоны) «насахали» без промедления. Дело дошло, чуть ли не до «перестрелки на стрелке». Ведь никого не интересовало, по чьей вине скопился бизнес! До президента – не дотянуться! Проще найти без вины виноватого среди своих.

«Родственникам», «друзьям» и «близким», которых Равиль финансировал, хватало на хлеб с толстым слоем масла и паюсной икры. Но, когда к ним пришлось обратиться за помощью в сло-

жившихся обстоятельствах, они вдруг начали прятать по сторонам пляшущие и дрыгающие глазки, отказывая в элементарной поддержке. Мол, сами теперь вдоволь икорку не едим! И, запрыгивая в разнокалиберные вседорожники, призраками исчезали в клубящейся пыльной нечисти. Конечно, было обидно! Но зла на бывших нахлебников Равиль не держал. Они были просто выплеснуты им из круга общения вместе с теми слезами досады, которых никто никогда не видел и не увидит! Правда, что-то зачерствело внутри!

Пришлось, оставив семью на попечение родственников жены, уехать в удаленную, как ему казалось, область, подальше от прицелов компаньонов, с двумя сотнями рублей в кармане. Тем более, что пригласил его туда давно уехавший из родных краев старший товарищ Шамиль, уже обосновавшийся на российских просторах, занимавший определенный пост и совсем-таки не бедный. К тому времени уже появились всевозможные «схемы», позволявшие «отмывать» бюджетные деньги. Равилю были обещаны поддержка, работа и дружба. Помыкавшись месяц другой в поиске сколько-нибудь достойного трудоустройства, поиздержавшись материально, но не душевно, Равиль решил обратиться за обещанной помощью к Шамилю. Но тот, видимо, успел разобраться в том, что приглашенный односельчанин – уже не «авторитет», и из его карманов, кроме шелухи от семечек, ничего не выскребешь. Поэтому, выслушав просьбу земляка, он спокойно достал из кошелька предварительно «отслюнявленные» от перетянутой резинкой пачки купюр восемь (!) рублей и протянул их ожидавшему дружеского участия Равилю.

– Понимаешь, больше ничем тебе помочь сейчас не могу!

Что тут можно было поделать? Кровь запульсировала во всех сосудах, подступая к вискам. Барабанный бой сердца давил изнутри на глазные яблоки, выдвигая их наружу и окрашивая в алый цвет.

– Спасибо и на том... Значит все на общих основаниях? – вдруг ни с того, ни с сего сказал проситель и запустил истертые дензнаки в бледные щеки теперь уже бывшего товарища. С тех пор щеки у того – постоянно с розово-синими прожилками. То ли от пьянства, то ли от тех восьми рублей.

Уже потом, когда Равиль нашел работу, получил квартиру, перевез семью, появились какие-никакие деньги, позволяющие жить нормально, но без роскоши, – на горизонте вновь появился Ша-

мил. Заявился он с таким же ушлым по жизни приятелем и вместе с ним начал сетовать, что ему стыдно за земляка. И квартира у того не обустроена, без евродизайна, и машины хорошей нет.

– Давай мы поможем построить тебе настоящий дом, этажа на три!

– Хватит! Я вас угощаю как гостей, как земляков, но дел между нами никаких быть не может! Я сам зарабатываю все, что нужно для семьи! Но никогда не забуду те восемь рублей, которые в самую трудную минуту ты кинул мне как надоедливому безродному нищему! В ту пору купить на них можно было разве что рулон туалетной бумаги! А тогда я хотел всего-навсего поесть по-человечески хоть один раз! Про хлеб и соль ты, Шамиль, лишь в тостах говоришь красиво! А в жизни оскорбил меня подачкой, значашей меньше, чем голая кость голодной собаке! Не зря считают, что шакалы бродят рядом с тигром до тех пор, пока питаются остатками его добычи! Но не дай Бог тигру заболеть! Шакалы им не побрезгуют!

– Ва-а! Что ты обижаешься? Кто старое помянет, тому придется иметь дело с окулистом, говорят в народе. Мы от чистого сердца предлагаем тебе, как другу, выгодный вариант. Тогда не получилось, сейчас – получится! Возьмем кредит, знакомый банкир, наш земляк, – поможет. Остальное – дело техники!

– Нет, ребята! Я больше в эти игры не играю! Приходите в гости! Хлеб, соль – на столе! Дорогу знаете. А выгоду искать я попробую сам!

Прошло года три. Равиль узнал, что Шамиль со своим дружкой сел на нары. С кем-то из своих знакомых они попытались осуществить свой план. Взяли кредит под недвижимость этих знакомых, начали завозить материал для строительства. Завоз длился около года, после чего оказалось, что денег в принципе не осталось ни копейки. Дружок Шамиля просадил их в казино, залез в долги и исчез, покинув родные пенаты.

Попался он через полгода в соседнем городке, где, представляясь социальным работником, пытался «снабжать» стариков-пенсионеров дешевыми медикаментами, взятыми у знакомого аптекаря «на продажу». Входил к старикам в доверие, а потом попросту обчищал их скромные запасники, предлагая оптом закупить тушенку и сгущенку от «Главпродукта» по нереально низким ценам, якобы из-за доброго предложения некоего олигарха, сочувст-

вующего беднякам. Насмотревшись по телевизору на сытую жизнь чукчей Абрамовича, люди выгребали последние копейки и передавали их симпатичному «социальному работнику».

Но нашелся один старикан, не верящий в сказки, потому что телевизор у него года три как сломался, да и жил он один, упрямо веря в идеалы коммунизма. А потому олигарх для него был как тот красный стяг, который на 1 мая и 7 ноября поднимал его со старенькой тахты и выводил на праздничную демонстрацию, состоящую из полусотни таких же, как он, рыцарей своего времени. Старичок прихромал в собес и начал возмущаться тем, что капиталисты хотят купить народ за тушенку и сгущенку, как Мальчишей Плохишей. Тут случайно оказался заместитель начальника районного отдела милиции, пришедший устраивать пенсионные льготы своей маме, возглавлявшей компанию «Ройял Трейдинг» с ежегодным оборотом в полтора миллиона долларов. Его заинтересовала деятельность «социального работника» прежде всего тем, что появилась возможность найти зацепку и присоединиться к дружному клану потребителей «Главпродукта», поскольку деликатесы начали приедаться. Он спросил у старикашки, когда к тому придет «благодетель», или где можно его встретить. Узнав, что завтра в 10 часов «прихвостень капитализма» обещался зайти за двумя сотнями рублей, которые пенсионер все-таки решил выделить на покупку такой вкусной с гречневой кашей тушенки, зам. начальника в означенное время подтянулся, как бы случайно, к старой «хрущовке», в которой обитал «борец за справедливость». К своему удивлению, он увидел человека, разыскиваемого за махинации, на которого поступила ориентировка из соседней области с подлинной фотографией. Потребовав предъявить документы, он убедился, что они подделаны, и предложил «соцработнику» пройти в отделение. Тот убежать и отпираться не стал, думая, что за мелочевку, экспропрированную у пенсионеров, много не дадут.

Но оперативный «замначраймил» мысленно уже вертел в погоне новую дырку для очередной звездочки. Случайную встречу с разыскиваемым он облачил в камуфляж серьезной работы, проводимой вверенными ему людьми во главе с ним самим. Была выстроена целая схема розыска с мнимыми осведомителями и копанием в архивах. Фигурировало даже «сопротивление при задержании» и соучастие в подготовке ограбления местного отделения банка. Получив несколько увесистых тычков по бокам и почкам,

бедолага «соцработник» подписал все, якобы данные им, показания. На суде он их потом все подтвердил. Ведь доблестными «сыскарями» ему были даны разъяснения, что в противном случае он может начинать копить деньги на операцию по перемене пола. Ведь сидеть на нарах все равно придется не один год, а за это время всякое случается.

А Шамилю, при помощи всей накопленной за долгие годы казнокрадства валюты и ценного адвоката, удалось добиться условного наказания. Правда, кое-что у него осталось прикопанным на садовом участке. Но это так, на черный день. Надо было отсидеться в тихом углу до лучших времен. А времена эти сами не топились! Тогда он решил обратиться к Равилю. Конечно, неудобно после той откровенной беседы, поставившей, казалось, все точки на нужные места, но «стыд не дым, глаза не выест», как говаривала его бабушка.

Равиль выслушал откровения Шамиля спокойно. Но не преминул напомнить ему, что такой исход их с дружкой «бизнес-политики» он предвидел, поэтому и не стал вести с ними никаких дел. Шамиль со всем соглашался, но просил о помощи, лукавя, что остался без средств к существованию, но с большой семьей. О закопанных на участке драгоценностях, которые могли обеспечить лет двадцать безбедного проживания всех его родичей на берегу Средиземного моря, он старался даже не думать.

Равиль предложил ему работу своим заместителем, определил минимум 25-30 тысяч рублей зарплаты, обещал посильную помощь в дальнейшем.

– «Ну, он – негодяй! А семья причем?» – думал Равиль, пытаясь объяснить сам себе свой поступок, который никто из близких ему людей не мог понять. «Может, доброта исправит этого человека? Пусть работает!»

Два года совместной работы убеждали Равиля в собственной правоте. Дела на фирме шли неплохо. Шамиль старался, отдавая работе все свободное время. Наступил момент, когда Равиль доверил ему право подписи и ведение всех дел в свое отсутствие. Подошел к концу определенный судом условный срок. Постепенно недоверие друг к другу таяло. Начали общаться между собой семьями, дважды выезжали с ними на отдых в Египет.

На дне рождения Равиля Шамиль впервые за долгие годы произнес тост: «За нашу дружбу!». Тост был принят, бокалы опусто-

шены. Через три недели Шамиль попросил у Равиля дать ему несколько дней отпуска для поездки с семьей на родину, на что получил немедленное согласие. Провожая Шамиля, Равиль попросил его вернуться по возможности быстрее. Назревала серьезная сделка с зарубежными клиентами.

– Хорошо! Можешь на меня положиться! Если что, семью оставлю отдыхать, а сам вернусь, как только понадобится!

На следующий день после отъезда Шамиля Равиль узнал, что деньги фирмы, за исключением нескольких тысяч рублей, переведены в один из зарубежных банков. Шамиль на родину не доехал. На даче, около компостной ямы, был вырыт маленький окопчик, в котором шуршали листы промасленной бумаги, или искусственного пергамента.

Обратившись к начальнику милиции, переведенному из соседнего города с повышением, Равиль через неделю получил справку, что его «друг» по имеющимся данным покинул пределы России, поскольку у него оформлено гражданство другой страны, в которую тот и отбыл с семьей. Больше они друг друга не видели.

2006

ЖУЛИК

Серая в желтых проплешинах ржавчины решетка обнимала проем балкона третьего этажа. Из-за нее выглянула глубоко упрямыми в морщинистые веки глазами ежикообразная круглая голова. Она как бы возникла из душного уличного смога, оказавшись посаженной на худую загорелую шею и кишкообразное туловище. Бегло оценив содержимое квартиры сквозь незапертую дверь, голова дыхла запахом прогоревшей водки и сайры в собственном соку, от чего пегие щетинистые усы поникли, как полевые цветы на жаре. Мосластыми руками с раздутыми в суставах пальцами человек ухватился за металлические прутья, вытащил из кармана вытертых до белой грязи синих джинсов пассатижи, и одним нажимом перекусил проволоку, скреплявшую створки решетки. Был полдень. Тридцатипятиградусное пекло упряло возможных любопытных зевак куда-то в более прохладные и менее душные укромные уголки. Внешне человек на третьем этаже выглядел, как монтер, устанавливающий в «евроквартиры» «еврокондиционеры», тем более, что за его спиной на ремне висела мощная дрель со сверлом в три пальца толщиной. А на улице внизу стояла «Аварийная» – машина с подъемником, доставившем «монтера» к зарешеченному балкону. Тяжело перевалив тощее тело через кирпичное ограждение, человек присел на корточки, прислушался, встал во весь рост и махнул рукой. «Аварийная» убрала подъемник, но не уехала.

Попытка заснуть за пояс пассатижи закончилась их падением на неприкрытые босоножками пальцы ног и долгим матерным шепотом. Вытащив непослушными руками из кармана мятую пачку «Мальборо», он после нескольких попыток выковырял одну из двух измученных сигарет, неловко вставил ее сквозь пересохшие губы, придавив редкими, крупными, желтыми зубами. Спичек не нашлось. Пассатижи заняли место в оттопырившемся кармане. Сигарета лениво метнулась из одного угла рта в другой и застыла. Человек встал и, покачнувшись, вошел в комнату. Это был кабинет, обставленный просто, но удобно. Вдоль всей стены протянулась столешница, соединяющая компьютерный стол с платяным двухстворчатым шкафом, над которой висели ряды книжных полок с набитыми до отказа секциями. На стене, напротив, над желтым кожаным диваном прямоугольной формы с обилием плотных такого

же цвета подушек, на ярком ковре висели кинжал, шашка, и охотничье, изукрашенное резьбой ружье.

– Вертикалка! Двенадцатый калибр. Шашка и кинжал – бутфория! А вот компьютер – знатный, один монитор чего стоит!

Он прошел через кабинет в коридор, ничего не тронув. Повернул налево – и оказался в просторной кухне с белыми шкафчиками и чернеющим на кронштейне телевизором. На столике обложкой кверху лежала раскрытая книга в пахнущем типографией переплете. Глянцевость обложки бликовала на солнце, скрывая название. Человек взял ее в руки и прочел название: «Жулик».

– Черт те что пишут!

Но зверек любопытства был тут как тут.

– Дай-ка взгляну, о чем там умники гуторят!

На заложенной странице было написано: *«Серая в желтых проплешинах ржавчины решетка обнимала проем балкона третьего этажа. Из-за нее выглянула глубоко упрятыми в морщинистые веки глазами ежикообразная круглая голова...»*

– Так и думал. Хрень какая-то! Вот и все!

Но тут его взгляд нащупал за окном покрытую серой краской решетку с проржавевшими прутьями. Он поднял глаза на неработающий телевизор. Там, в черном прямоугольнике экрана отражалась его круглая голова, торчащие в разные стороны усы, мешки под глазами.

– Не может быть!

Мелкая игольчатая дрожь пробежала по спине и опустилась куда-то к копчику. Стало тревожно. Захотелось одновременно освободить мочевой пузырь и залить сухость несвежего рта с зашаршавшим языком. Осторожно положив книгу на стол, будто это была дремлющая змея, он сделал два нетвердых шага, включил свет в туалете, открыл и быстро закрыл за собой дверь, заперев ее на задвижку. Мочеиспускание затянулось надолго, медленно принося облегчение и успокоение. Струйки горячего пота потекли вдоль позвоночника и по лопаткам. Рубаха взмокла и стала источать запах страха и перегара.

– Это просто совпадение! Чего только не почувится в чужой хате! Видно вчера был перебор... Второй литр пришлось вдвоем поднимать!

Бодро щелкнув задвижкой, он вошел на кухню, приблизился к столу и потянулся захлопнуть книгу, прихлопнув тем самым все в

ней непонятное. Но вспомнил, как ему говаривал один «корифан», что в позиции страуса, упрятавшего голову в песок, долго не выстоишь, ибо всегда найдется тот, кто тебя поймет! Небрежно ухватив книгу за глянцевого переплет, заложив вместо закладки палец, он двинулся в зал и погрузился всем своим существом в старое глубокое кресло.

Прежде чем взглянуть на недочитанную страницу, он закрыл глаза. Тут же на черном фоне завертелись искры, звезды, свиваясь в спирали, образуя светящиеся пятна, пульсирующие в такт с ритмом сердца. Руки внезапно ослабли. Книга упала на ворсистый ковер, самостоятельно захлопнувшись при падении. Тело стало похоже на спущенный воздушный шарик. А на черном внутреннем экране замельтешили какие-то тени из прошлого, своего, или чужого – неведомо, обретая полужнакомые формы, окраску, движения.

Громко выстрелила настигнутая порывом ветра форточка. Тело в кресле вздрогнуло. Глаза открылись. Рука нащупала на ковре глянец захлопнувшейся книги. Еще не осмыслив мгновенной потери сознания, «монтер» открыл книгу. Повевало холодом космической бездны. Книга распахнулась на той же самой странице: «... Она вынырнула из душного уличного смога, оказавшись посаженной на худую загорелую шею и кишкообразное туловище. Бегло оценив содержимое квартиры сквозь незапертую дверь, голова дыхла запахом прогоревшей водки и сайры в собственном соку, от чего пегие щетинистые усы поникли, как полевые цветы на жаре. Мосластыми руками с раздутыми в суставах пальцами человек ухватился за металлические прутья, вытащил из кармана вытертых до белой грязи синих джинсов пассатижи, и одним нажимом перекусил проволоку, скрепляющую створки решетки».

– Ексель-моксель! Так это же я! Но ведь я еще ничего не сделал! Кто мог написать про будущее? Что там будет дальше? Ведь это то, что делается сейчас! Но я не знаю пока о будущем, может, поищу что-нибудь ценное, или просто соберу барахло вон в те сумки, лежащие в коридоре? Надо поскорей прочесть, вдруг пора смываться, или этим сделаю только хуже? Что делать?

Взгляд его скользнул по серванту с обилием бутылок. Там были марочные коньяки армянские и французские, большие треугольные бутылки с виски, пузатые пузыри с водкой. Засосало под ложечкой. Захотелось глотнуть полным ртом давно забытого янтарного напитка.

Но тут он почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. С фотокарточки, стоящей на столике, на него смотрел взрослыми глазами мальчишка лет пяти, наряженный в старомодный котелок, одежду прошлого века, держащий руку на набалдашнике трости. Он смотрел куда-то внутрь оцепеневшего в кресле тела. Казалось, свет его улыбающихся глаз гипнотизировал, проникал в глубины сознания, выворачивая его к свету.

Человек встал, как будто выплыл, из кресла и медленно двинулся в сторону балконной двери. Ему уже не было страшно. Ощущение особой легкости появилось, когда он распахнул створки решетки и встал во весь рост на перила балкона.

Внизу из «Аварийной» высунулась бритая наголо голова напарника.

– Ну, что там?

– Да нет там ничего, наверное, жильцы еще не въехали!

– Ну, тогда слезай!

Зарычал мотор, подъемник установился на уровне третьего этажа. «Монтер» легко спрыгнул на площадку и, не оборачиваясь назад, ощущая на себе притяжение чего-то необъяснимого сзади, опустился к машине. Так же спокойно он влез в кабину и уставился в переднее стекло.

– А чего там делает мальчишка? – вдруг, наклонившись, спросил напарник. Он явственно увидел вихрастого парнишку лет пяти в рубашонке с футбольным мячом прямо на балконе третьего этажа, который улыбался и махал им на прощание маленькой крепкой ручонкой.

– Может, кто-то забежал в пустую квартиру? А может это ангел-хранитель? Я не знаю! Да и знать не хочу. Только больше по квартирам лазить не буду. Грех это!

Напарник усмехнулся и дал по газам. Уж он–то хорошо знал сидящего рядом. Бывает у того что-то с головой после большой пьянки, вот ему и чудится неведомое.

Только на этот раз в голове «монтера» была одна ясная мысль: «Как можно напечатать в книге про еще не свершенные, а только сейчас происходящие события? Или действительно все это причудилось, ведь был же он в «отключке» там, в зале? Или не был?».

У книжного развала в центре города машина притормозила. Водитель пошел за пивом, а «монтер» направился к развалу, увидев издали знакомую обложку. Действительно, это была она! «Жу-

лик»! Купить, или не испытывать судьбу? Взяв с лотка книгу, он приоткрыл ее на последней странице. Там было написано: «Конец». Он повернулся, сделал несколько шагов к «Аварийной», чтобы посмеяться вместе с напарником над своими страхами. Внезапно ведомый каким-то лихачом черный джип вильнул на повороте и, зацепив монтера широким бедром, исчез в дрожащем от зноя мареве.

Напарник, бросив загремевшие глухо пивные банки, бросился к товарищу, который движением затуманивающихся глаз показал ему на книгу. Тот поднял ее на раскрытой странице. Последним было слово: «Конец».

2006

НЕРАЗГАДАННАЯ ЗАГАДКА

Алик проснулся от лая дворовых псов, старавшихся перегавкать друг друга. Они захлебывались в истошной хрипоте, перетирая толстой кожи ошейники, лязгая едва сдерживающими их цепями. Он выглянул в окно и увидел, что во двор пытается пройти электромонтер (судя по переброшенным через плечо монтажным «когтям» и мотку проводов типа «лапша»), вызванный накануне дедом.

Каждая из собак была величиной с большого теленка. Одна – по кличке «Тигр», белой гладкой шерсти, с огромной головой. Спустя много лет ему встретится на страницах газеты фотография пса очень похожей породы, именуемой «Сармат». А тогда Алику стукнуло всего пятнадцать, и мысли его были далеки от систематизации собачьих экстерьеров. Другого пса звали «Бандитом». Густая и длинная светло-коричневая шерсть, покрывавшая мощное тело, придавала ему характерный вид «кавказца», ставшего популярным в последующие годы среди «новых русских». Дед называл обеих собак «волкодавами» и особенно не вдавался в их происхождение.

Алик вышел на застекленную веранду, пытаясь впустить в дом электрика, чтобы не злить цепных псов. Но не успел он сделать и шага в направлении двери, как Тигр, мощно надавив на ошейник, порвал его, и килограмм семьдесят мышц с невероятной скоростью выстрелили в сторону «чужака». Лицо электрика будто окунули в молоко. Он успел только схватиться за стоявшую рядом лестницу и прикрыть себя от надвигавшихся на него желтых, громадных, в белой пене клыков. Но звериная мощь, почувствовавшая свободу, только бросила искоса взгляд на монтера, пронеслась мимо и реализовалась в высоченном прыжке через ворота высотой в два метра, отделявшие пса от принятия самостоятельных решений.

Алик уже не раз был свидетелем удивительной силы дворовых сторожевых псов, перетиравших сыромятные ошейники и даже металлические цепи. Но ни разу никто из возбудителей их агрессии не был покусан. Запах свободы был сильнее. Собаки убегали, исчезали на некоторое время, совершали свои собачьи ритуалы, и мирно возвращались домой, поджав хвосты. Может

потому, что очень хотелось кушать... Может потому, что свободу было важнее и интереснее завоевывать, а пользоваться ею – не очень! Или просто потому, что привычка быть сытым, сидя на цепи, – стала самым образом жизни.

Мгновенно вскочив на веранду, электрик шлепнулся на старый венский деревянный стул.

– «Что это было?» – сведенными в дрожь губами только и смог прошептать он, не веря в чудо избавления от клыков, размеры которых соответствовали истинно тигриным.

Попросив напиться и сглотив сразу половину кружки ледяной воды, монтер поинтересовался, когда он сможет начать работу. Так как дома никого не было (дед и родители уехали в республиканский центр), Алик попросил его придти дня через два, с чем перепуганный электрик сразу же согласился, мгновенно решив про себя, что больше в этот дом он не сделает и полшага, а пошлет на этот подвиг своего напарника. Уходил он, осторожно ступая на серую пыль дороги, опасливо оглядываясь по сторонам и вздрагивая от шуршания листьев на ветру.

Шел год тысяча девятьсот пятьдесят седьмой. В небе вокруг Земли накручивал витки первый спутник, за полетом которого наблюдали удивленные люди всего мира, высматривая в ночном небе движущуюся звездную точку. Газеты были полны восклицательными знаками. Пацаны начали бредить космическими полетами. Зачитывались до испепеления стихами и рассказами в журнале «Юность». Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина, Рождественский, Аксенов – только начинали свой путь воинствующих «шестидесятников».

Дед Алика обычно сидел за круглым столом на веранде, читая медленно, но вдумчиво, сводки событий. В реальность спутника он не верил, хотя подолгу всматривался в небо, пытаясь понять, как движется по небу маленькая звездочка.

– Что вы мне говорите? Пипикает спутник? Так это в соседней комнате может сидеть радист, и все его будут слышать. Не верю!

В тот день Алик остался дома по хозяйству. Надо было накормить свиней, набрать в курятнике яиц, выгрести навоз из свинарника и коровника. Кроме того, к вечеру должны были пригнать корову и двух овец. Хозяева, жившие на одной улице,

пасли свою скотину по очереди на скудных лугах, примыкавших к аэродрому. Из молока делались сыры – твердевшие со временем, они лежали в прохладе подвала, а то и на веранде, или в огромном во всю стену шкафу, долго, накапливаясь со временем, и расходуясь только на пироги к праздникам. Жена деда – полька или белоруска по происхождению, все выращенное мясо обычно закатывала в трехлитровые банки в виде самодельной тушенки, нагромождая их в огромном подвале на полках. Все это запасалось впрок. Многие банки вздувались, их содержимое переваривалось и тогда подавалось на стол. Алик не понимал смысла таких заготовок, но спрашивать у обретенных внезапно родственников – не решался.

Дед был дядей его отца. Родной дед погиб в далеком тысяча девятьсот четырнадцатом году, когда разъяренные направлением на войну казаки, перепив лишнего, предприняли рейд по стационарному поселку, рубя шашками направо и налево. Дед забрался на крышу длинного сарая со старой берданкой, пытаясь отстреливаться. Но, не отразив ярости скачущих и рубящих, сам был застрелен чубатым есаулом. Отцу тогда было четыре года, и подробнее, чем потом ему рассказывала об этом мать, ничего не мог поведать сыну.

Дядя отца был малограмотным, писал какими-то иероглифами, в которых, кроме него самого, никто не мог разобраться, да и не пытался. Зато считал он быстрее любых калькуляторов, которых в ту пору, конечно, не было. Но на старых, выщербленных временем, счетах мог с пулеметной скоростью стучать костяшками, и умело сводить «сальдо с бульдо». Видимо поэтому он много лет проработал завхозом в маленькой железнодорожной больничке, умудряясь из копеечного бюджета выцарапывать для себя дополнительные к зарплате суммы, списывать жесткий и мягкий инвентарь, размещая утаскиваемое барахло в необъятных закромах своего не маленького дома, прятаявшегося за железнодорожной насыпью и выращивая свиней на «излишках» пищевых отходов.

Соседские мальчишки почему-то за глаза дразнили его «атаманом Козолупом». Был он небольшого роста, круглоголовый, лысый, с двух- трехдневной щетиной на щеках, ставшей впоследствии распространенной и «модной», но в основе кото-

рой была, кажется, элементарная лень побриться вовремя. Один глаз деда был поврежден. О причинах травмы никто не пытался у него спросить. Бельмо придавало лицу достаточно свирепое выражение, даже когда он улыбался, что, правда, случалось крайне редко.

Историю жизни деда Алика знал по подслушанным рассказам отца, объяснявшего матери, почему он решился переехать в эти места. До этого они жили под Воронежом. Отец вышел на пенсию, незадолго до этого получив квартиру, что по тем временам было событием. Живи себе в середине России да радуйся! Нет! То ли зов крови, то ли постоянные просьбы деда приехать на родину, заставили привыкшую к постоянным переездам семью стронуться с места, оставив квартиру и нажитый, правда, скудный скарб.

Но, оказалось, истинной причиной такой родственной заботы деда было элементарное желание избежать экспроприации части земельного участка, примыкавшего к дому. А был он почти в гектар размером. Как раз в ту пору Хрущев решил догнать и перегнать Америку, обложив данью частных, чтобы что-то там повысить «на душу населения». Ограничивалась посадка фруктовых деревьев, разведение скота для личного пользования. Пригласив семью военного пенсионера в количестве пяти человек, дед автоматически освобождался от урезания участка и рассчитывал к тому же на дополнительные льготы. Появлялись также рабочие руки. За скотиной надо было присматривать: пасты, кормить, убирать навоз, готовить корм. Родственные руки пришлось кстать. Да и в тайне им, видимо, лелеялась надежда, что герой Отечественной войны в период покорения стран Европы смог занять какое-никакое трофейное наследство. Но для отца Алика было справедливо второе: «никакое»! Действительно, его сослуживцы тащили из побежденных стран мотоциклы, автомашины, фотоаппараты. А он привез из Берлина полотнище красного шелка, используемого для парашютов. Из них мать пошила ему трусы, да себе платье на стрекочущем, довоенном, с ручным приводом «Зингере», принадлежавшем ее покойной матери.

К тому же характер у деда был нетерпимым. От одного из многочисленных браков у него был сын, поругавшись с кото-

рым и выставив из дома, он вычеркнул его из своей жизни. Сын уехал куда-то в Узбекистан, женился, наплодил детей, носящих дедову фамилию, но им не признаваемых. С таким вот человеком приходилось жить под одной крышей. Алик никак не мог понять, откуда у человека может быть такая необъяснимая и необоснованная жадность. Как-то собиравшие металлолом пионеры через невысокий плетень спросили у Алика, нет ли ненужного ржавого металла где-нибудь на участке. Прямо под ногами из земли торчал кусок старого рельса. Алик с трудом вытащил его из земли и хотел, было, передать ребятам «для плана», но тут же услышал громовый рык деда:

– А ты его сюда приносил? Положи рельсу на место!

Алик положил. Этот обрубок сантиметров семидесяти длиной, проржавевший и ненужный никому, наверное, там и лежит до сих пор. Или, имея сад корней на пятьдесят (алыча, тутовник, яблони, груши, сливы, айва), дед мог выйти посидеть в тени и вдруг завопить в полный голос: подняв вверх глаза «Кто сожрал яблоко?». Алик сказал, что это он, да и яблоко было червивым.

– «Это другое дело!», успокоился дед, «А то не даешь созревать!»

И это в то время, когда вокруг пропадала тьма тьмущая фруктов. По осени они собирались, укладывались в ящики, складировались в омшанике, который дед называл «пчельной», и там они вылеживали, пока не начинала загнивать сердцевина. Только тогда дети могли полакомиться яблоками и грушами. Другие фрукты и ягоды переваривались в варенья, которые закатывались в банки, занимавшие уже половину подпола, в котором можно было свободно поместить конюшню на четырех лошадей.

Проводив электромонтера взглядом, Алик подошел к собачьей будке, чтобы попытаться восстановить целостность сыромятного ошейника к возвращению «Тигра». Из-под конуры торчал старый канализационный люк, один край которого был подрывт мощными когтями пса. По словам деда, люк был положен туда для прочности, чтобы собака не подрывала будку. Захлопнувшаяся от ветра стеклянная дверь веранды на мгновение солнечным зайчиком осветила просвет под люком. Там что-то блеснуло. Опустившись на колено, Алик засунул руку в дыру,

почувствовал холод металла не определяемых на ощупь предметов, и, сжав руку в кулак, вытащил ее наружу. С ладони свисали золотые цепочки, а в горсти оказались золотые часы и кольца с прозрачными сверкающими камнями. Никогда не видевший бриллиантов, но много читавший о них в приключенческих книжках, Алик догадался, что это и есть те самые драгоценности, которые хранятся в разыскиваемых кладах.

– Вот дед обрадуется! А то в стоптанных сапогах и вытертых галифе ходит.

Правда, отец после переезда подарил деду габардиновый отрез на костюм и новейшие хромовые сапоги, полученные им при увольнении из армии. Но тот спрятал подарок в один из сундуков со словами: «Нечего сейчас добро таскать на себе! Пусть полежит до лучших времен!» Видимо для этих самых времен дед хранил на чердаке мешок со старыми «керенками», какими-то банкнотами в рулонах, не разрезанных на купюры, каждая достоинством в один миллион. В другом мешке лежали старинные деньги – ассигнации времен Екатерины, а также банкноты предреволюционной России, запомнившиеся удивительными загогулинами росчерков управляющих банками. Там же были складированы потускневшие рамы от картин, отдельно лежали багеты с витиеватым золотым орнаментом. В комнатах висели подлинники картин известных мастеров прошлого, завешанные старыми юбками, простынями. То, что это были подлинники, дед говорил уверенно, потому что вывозил их из экспроприированных во время революции домов бывших вельмож, а то и из музеев. У деда в те времена была собственная автомашина, он был в фаворе у председателя Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов Зиновьева, за подписью которого получал мандаты для тех или иных деяний. Эти мандаты также хранились дедом в огромном, похожем на церковный орган, шкафу, сделанном из резного дуба, имевшем сотни всяческих ящиков и ящичков, дверок и дверочек. Алик не раз рылся в недрах этого деревянного монстра. И однажды, среди множества бумаг, дореволюционных паспортов, он обнаружил «МАНДАТ, выдан (фамилия, имя, отчество деда) на провоз Председателя Совнаркома В.И. Ульянова (Ленина) от Троицкого моста до Смольного. Подпись – Председатель Петроградского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Зиновьев». С благоговением он держал в руках истрепанный, желтый, напечатанный на плохой бумаге листок, как

будто прикасался лично к тем далеким событиям. Но уже тогда появилось неприятие разницы между словами и делами политиков того времени.

Алик аккуратно просунул в дыру руку, разжал кулак, оставив в тайнике клад до приезда старших.

Первым вернулся дед. Кряхтя, нагнулся, снял калоши, позвал внука:

– Иди, сними сапоги!

Алик подошел, ухватился за каблук старого, затертого временем хромового сапога, и потянул на себя и вверх. Сапог стаскивался медленно. Нога была отечной, носок толстой вязки тормозил ее продвижение в местах не штопаных дырок. Взявшись за второй каблук, Алик сказал: «Дед! Я под будкой Тигра нашел клад!». Мощный удар в челюсть опрокинул мальчишку на пол.

Очнувшись, Алик дотронулся до челюсти, почувствовал боль, привстал на локте. Голова кружилась. Обида переполняла все его естество, заставляя быстро сопоставлять факты и не чувствовать остроту боли. «Значит, это не клад! Дед сам прятал драгоценности под собачьей конурой. А я ему совершенно чужой, если из-за каких-то стекляшек и железяк он с такой силой врезал по челюсти!» Выйти из комнаты не удалось, дверь была закрыта на замок. Выглядывание в окна не добавило информации. Открыть их из-за запоров не представлялось возможным. Алик включил патефон, поставив на него пластинку Апрельевского завода с ариями из оперетты «Перикола». На звуки музыки дед вошел в комнату, погромыхав ключами.

– Ты опять пластинки слушаешь? Нечего их стирать! Пусть лежат. А теперь иди и ищи мое добро! Кладоискатель хренов!

Искать не хотелось. «Может где в свинарнике зарыл? Или в огороде?» Челюсть болела, голова кружилась, настроение было препоганым. Обида не проходила, поэтому Алик решил отложить поиски драгоценностей до первого удобного момента.

Но этого ему не удалось сделать. Приехавшие родители на следующий день начали собирать немудреные пожитки. Отец снял однокомнатную квартиру в частном секторе в областном центре, договорился о переводе Алика в городскую школу. К вечеру приехал тарахтящий и дымящий несгоревшим бензином старый грузовик, вещи были водружены на него, и, радостно

простившись с дедом, угрюмо смотревшем на сборы нежеланных родственников, Алик забрался в кузов, чтобы придержать скрипящий от древности шифоньер и связанные спинки железных кроватей. Впереди открывалась новая жизнь без оглядки на дедовское жмотство.

Вскоре пришло сообщение, что дед умер от инсульта, разбившегося на фоне долгосрочного диабета. Бабка хоронила его в старых галифе и протертых сапогах, в измусоленном временем защитного цвета френче. Сам Алик на похороны не ездил. Отец и мать не смогли убедить бабушку одеть деда поприличней в последний путь. Вскоре пришло известие, что она продала дом, поселилась у дочери, а все нажитое с дедом добро постепенно было передано церкви. Это было, по крайней мере, искуплением.

Много лет спустя Алик прочитал в местной газете, что рабочие, приглашенные семьей корейцев, поселившихся в бывшем доме деда, при засыпке выгребной ямы старой уборной нашли прикрепленный к полу сверток, в котором обнаружили драгоценности на общую сумму больше миллиона рублей. Видимо, потому что было много свидетелей, или, может, из лучших человеческих качеств, но клад был передан государству, а положенные проценты за находку по тем временам были более чем достаточны для безбедной жизни. Будучи в командировке, проходя как-то мимо дома деда, Алик увидел пробежавших собак, одна из которых была белой, как Тигр, а другая – мохнатой, как Бандит, только размерами они были поменьше, неухоженными, судя по всему – без определенного места жительства. Видимо, прогулки волкодавов на свободу были весьма плодотворными. Жизнь продолжалась, несмотря на измельчание породы.

2007

ТРАВМА, НЕСОВМЕСТИМАЯ С ЖИЗНЬЮ

Часов в пять утра сквозь сон Стас почувствовал ледяные мурашки забравшегося под кожу утреннего холода. Привстал, поеживаясь, набросил на плечи старый, замасленный, защитного цвета бушлат – подарок друга, отслужившего срочную службу несколько лет назад. С приятным хрустом потянулся, закашлялся, полез в карман за сигаретой, но вспомнил, что уже третий день как на спор бросил курить. Над Снежедью висели белесые полосы тумана, прикрывая собой густо растущие деревья на другом берегу. Бежин луг поблескивал от росы, покрывавшей некошеную траву крупными сверкающими бусинами. Где-то в деревне вытягивали верхние ноты петухи, речка шурилась стремниной на поворотах и перекатах.

Позевывая и вздрагивая от холодающей сырости, он спустился к берегу, где темно-зеленым пятном притулилась к вцепившемуся корнями в землю старому пню надувная лодка. Нога в резиновом сапоге скользнула по глине. Чертыхнувшись, Стас удержал равновесие, залез в колеблющееся от малейшего движения суденышко, и рывками весел (чтобы скорее согреться) направился к находившемуся метрах в двадцати противоположному берегу. Там он вытащил кол, к которому крепилась боевая сеть. Рыбную мелочь Стас всегда отпускал в воду, оставляя на «жаренку» только крупные особи.

Да и какая в маленькой речке «крупная» рыба?! Правда, приходилось ему как-то по весне также вот перегородить речушку и выловить пять полуметровых щук, идущих на нерест. Из них он добыл полную миску икры, которую взбил гнутой алюминиевой вилкой, очистил от пленок, присолил, и угостил ею ораву друзей и коллег, приехавших на маевку тремя машинами. Кроме икры, была, конечно, сотворена наиароматнейшая уха, в которую Стас по мере готовности по всем правилам влил стопку водки, а перед подачей к импровизированному столу из трех досок, закрепленных на кольях, опустил в котелок горящую головешку из костра. Но на этот раз воспоминания не способствовали улову. В сети запутались две красноперки и несколько мальков голавля. Отпустив на волю мальков, он подумал и отправил в воду оставшихся красноперок. «Что толку от

двух рыбешек? Возиться с ними себе дороже. Да и время поджимает. Через три часа идти на работу, а домой еще доехать надо! К тому же сегодня дежурю».

Смотав сеть и убрав за собой костровище, Стас сел в старенький «ушастый» «Запорожец» и припал к рулю, вцепившись в него побелевшими пальцами. Сидел в кабине напряженно, наклонив голову и вглядываясь в дорогу. Водитель он был еще тот! Обучаться езде было негде. Наскоро оформив водительские права, он учился вождению при выездах на охоту и рыбалку. На трассе, пересекавшей поселок, показываться не любил, проскакивая ее в самом безопасном месте.

Стас работал врачом хирургом в маленькой районной больнице, стоявшей у той самой нелюбимой им главной дороги, которая поставляла хирургам пострадавших с самыми различными травмами. Район был тысяч на двадцать жителей, как тогда говорили, «сельскохозяйственный», поэтому заниматься плановой полостной хирургией в желаемом объеме было делом затруднительным. И будущность свою, как хирурга, Стас связал с травматологией. Уж кого только и с какими травмами не приходилось ему выхаживать! Партийных бонз, секретарей райкомов, председателей колхозов и райисполкомов, которые на своих рабочих «козлах» носились по сельским дорогам и зеленым в поисках зайцев, кабанов и лосей, которых в те годы было видимо-невидимо. Выскакивая на федеральную трассу после «принятия на грудь» не одной бутылки, они зачастую сами становились жертвами несущихся по своим делам МАЗ-ов, КРАЗ-ов и ЗИЛ-ов с прицепами. Вот только вчера два рефрижератора буквально размазали по бортам парнишку мотоциклиста, вклинившегося между обгоняющими друг друга машинами и пытавшегося на своей быстроходной «Яве» проскочить вперед. Вспомнив об этом, Стас встряхнул своим чубом и еще крепче сжал тонкую пластмассу руля.

Добравшись до ворот больницы, он решил не ехать домой, а сразу остаться на дежурстве. Поднявшись на второй этаж только что построенного нового хирургического корпуса, вошел, никем не замеченный, в ординаторскую. На столе были разбросаны незаполненные истории болезней, написание которых было для Стаса нестерпимой мукой. Он мог часами не выходить из опе-

рациональной, но писанину не любил, за что частенько получал нагоняи от главврача, или «главши», как ее называли между собой врачи. И только в дежурство, если не было поступлений, он садился за стол и абсолютно неразборчивым почерком заполнял недельной давности документы. Дневники в его историях болезни были похожи один на другой, эпикризы не превышали 4–5 предложений. Но, несмотря на это, прооперированные и выхаживаемые бессонными ночами пациенты почти всегда становились надежными и верными друзьями Стаса. Тяжело вздохнув, он сдвинул бумаги в сторону, прилег на кушетку, прикрытую простыней, и задремал.

Во сне ему привиделось недавно прошедшее открытие нового хирургического корпуса. Приехавшее из области медицинское начальство и районные партийные деятели произносили длинные речи, не преминув поблагодарить партию и правительство за заботу о сельском здравоохранении. Хотя строительство корпуса было вынужденным. Одно из зданий больницы было выстроено еще во времена императрицы Екатерины, которая когда-то проезжала мимо в пору создания «потемкинских деревень». Сейчас бы так строили! Родильный дом послевоенной постройки разваливался на глазах. В старом отсыревшем терапевтическом корпусе на скрипучих больничных кроватях и кушетках, как будто позаимствованных из казематов незабвенной Таганки, теснились «хирургические», «терапевтические» и «неврологические» больные. В коридоре были расставлены впритык друг к другу койки для «гинекологических» больных и «абортничек». Был случай, когда хронический алкоголик в белогорячечном делирии вдруг набросился на ожидавшую аборт и лежавшую в коридоре на кушетке женщину, пытаясь снять с нее привидевшихся ему мышей, или крыс. Двум санитаркам и медсестре еле-еле удалось его скрутить до приезда дежурного милиционера и двух «декабристов». Декабристами называли пятнадцатисуточников (тогда еще за мелкие проступки граждан наказывали 15 сутками исправительных работ, о которых очень точно сумел рассказать и показать Гайдай в своем фильме о приключениях Шурика в исполнении Демьяненко). В их сопровождении на неизменном УАЗ-ике опасные

по своему психическому состоянию больные отправлялись в областную психбольницу.

На открытии хирургического стационара отличился ночной сторож. Раньше он был монахом, потом спился и был изгнан из монастыря, после чего пустился во все тяжкие: то женился, то разводился, да и пил все, что чуть крепче сидро. Особым признанием у него пользовалась настойка боярышника, которую уже тогда трудно было достать. Но место настойки достойно занимал «Тройной одеколон», по праздникам – «Шипр», а на дежурствах сторож не брезговал выпрашивать у медсестер даже борный спирт. Врача терапевта Александра Ивановича он донимал особо. Называл его Александром Невским, доброй душой, ангелочком и спасителем, выклянчивая разрешение на дополнительный пузырек борного спирта. Получив дозу, «монах» исчезал куда-то так быстро и незаметно, что воздух вокруг него не успевал шевельнуться. И вот этот маленький, подвижный, лет шестидесяти мужичок задержался после ночной смены, чтобы присутствовать на процедуре открытия корпуса в надежде на вероятное получение глотка другого спиртного. «Ну, какое же торжество без водки?» Глаза его, хоть и прятались в увесистых мешках исчерченных мелкими морщинками век, охватывали почти все пространство вокруг сквозь призму ожидания, не забывая остановиться на выпуклых местах молоденьких медсестричек, чуть прикрытых белыми халатиками. И вдруг в поле его зрения попала жена завхоза – высокая, под два метра, осанистая женщина, работавшая врачом в отделении. Зрачки его глаз закрутились, в них появились то ли искорки, то ли чертики, и, сорвавшись с места, «монах» неожиданно подскочил к объекту своего внимания с криком: «Эх, на старости лет хоть за титечки подержаться!!! Пусть увольняют!» Подпрыгнув, он неловко уцепился за грудь доктора. Та одним движением руки смахнула с себя тощее тело местного Казановы и занесла могучий кулачище над его лохматой головой. Если бы кулак опустился на объект, тонкая дряблая шея сторожа наверняка не выдержала бы двойной тяжести. Но то ли материнское чувство, то ли женская дальновидность, а, может быть, и приятное ощущение в точке контакта, остановили дальнейшее продвижение пудовой

пятерни. Погрозив кулаком валяющемуся на земле и повизгивающему от удовольствия «монаху», она поправила чуть сбившуюся кофточку и спокойно продолжила наблюдать за ходом торжества.

Стас проснулся от смеха и неожиданного видения, в точности повторившего недавнее событие. А, может, это и не сон был вовсе, а так, полудрема. Уж больно все явственно было! Даже цвета были ярче, чем в тот пасмурный день.

В дверь неуклюже ввалился крупногабаритный Александр Иванович – «Александр Невский» по версии расстриги сторожа.

– Привет, Стас, Как рыбалка?

– Да никак! Сегодня невезуха! А ты что в хирургию забрел? Чего-то случилось?

– Ты забыл? Сам же просил меня подстраховать из-за рыбалки!

– А-а-а! Ей-богу, забыл. Рыбы нет, настроения нет, вот и решил домой не идти, сразу за работу. Поступления были?

– Еще бы! Тут одного бухарика «Беларусь» переехала. Привезли без сознания, в усмерть пьянующего, но, кроме следов от протектора, ни переломов, ни других повреждений – нет! Поле было свежевспаханное, а он прикорнул у копны. Тракторист вместе с ним поступил, сейчас увидишь красавца – весь синий. С чемерицей какой-то гадости напился. Их обоих подобрал председатель, Иван Михайлович, ты его знаешь!

– Еще бы! Он на днях дочку замуж выдавал. Я как раз за спиртом заехал на завод. Сидим, по пять капель потребляем с директором. Иван Михалыч зашел с бутылкой шампанского. Усугубили. Я, говорит, дочку замуж выдаю, плесни спиртика! Директор вызвал подвального, тот спрашивает: «А тара есть?» «Там у водителя заberi!» Через пару минут вбегает подвальный и директору на ухо что-то нашептывает. У того лицо вытянулось: «Михалыч! Ты какую тару привез?» «Да там бидона четыре молочных, народу много будет!» «Ты же меня в пятую позицию ставишь!» И подвальному: «Ну, да ладно, наливай!» Михалыч-то сам – мужик безотказный: что поохотиться, что порыбалить!

– Вот это да! Тут с резиновой грелкой едешь и то себя неловко чувствуешь!

– Нам вроде бы хватает! Хорошо, что ректификатик пошел, без запаха, и марганцовкой не надо очищать!

В дверь постучали. Вошла дежурная медсестра Мария Петровна. Лет пятидесяти, опытная, сама многое умела в хирургии, и молодежь учила, как следует. Да и молодым врачам помогала: то катетер поставить, то рану зашить.

– Станислав Николаевич! Позвонили гаишники из сельсовета с трассы, там какая-то большая авария километрах в десяти. Вытаскивают машину из пруда, что ли... Скоро привезут, если кто жив! Инструменты готовы, анестезиолога вызывать?

– Конечно, если еще не набухался! Кажется, он собирался сегодня с друзьями по институту встречаться. Если что, звони в соседний район, глядишь, там позаимствуем! Слушай, Саш, может, останешься? Вдруг что понадобится и по твоей части? А то потом придется вызывать!

– Какие разговоры? Конечно, останусь, тем более, что ты собирался придти попозже, я уже настроился! Да и у меня сегодня дежурство было спокойное, дома никого нет, жена на учебе!

– А! Так ты еще и холостяк! Ну, «тады – ой!». Завтра вместе на пруд поедем с бредешком. Карасиков на ушицу наловим!

Врачи в больнице, как всегда, были в дефиците. Дежурили иногда по двое, трое суток подряд: за себя, за жен, занимающихся домашним хозяйством, по просьбам товарищей. На трудовое законодательство глаза прикрывала и администрация, и сами врачи. Тем более, что графики составлялись как надо, по КЗОТу. Дежурили и как терапевты, и как хирурги, и как гинекологи. «Узким» специалистам давали отдохнуть. Да их и не было! То после института появлялся невропатолог, то окулист, но уже через год или два они исчезали в поисках лучшего. И квартиры на селе вроде бы всем предоставляли! И все-таки на три обязательных года отработки многих не хватало. Стас и Александр Иванович вкалывали уже шестой год после окончания института, заведовали отделениями, в которых эпизодически показывались молодые коллеги, и, не выдерживая интенсивности, отправлялись в областной центр, где и врачей побольше, и ответственности поменьше. А «старики» продолжали командовать сами собой.

В те поры в мединститутах этике и деонтологии специально не учили. Они постигались на практике. Первые два года в отделении Александра Ивановича работал его однокурсник – Андрей, любитель погулять, поспать, покурить и пригубить. Однажды в его палату поступил из Дома инвалидов пучеглазый, синюшно-багровый неопрятный пациент, жаловавшийся на головную боль. Он «достал» главного врача своими причитаниями и тот решил сбагрить «нытика» в районную больницу. «Пусть они там помучаются!» При обследовании какой-либо явной патологии за неделю выявлено не было. Да и «обследование» заключалось в рентгеноскопии органов грудной клетки (рентгеновскую пленку сэкономили, снимки делали только по строгим показаниям), взятии анализов мочи, крови, кала на яйца глистов, и записи ЭКГ, внедренной как обязательное исследование год назад. Остальное было уделом «клинического мышления» врача, его зрительных, осязательных, обонятельных и слуховых способностей.

Правда, это не мешало ставить точные и сложные диагнозы, находившие подтверждение в лучших клиниках столицы. Каждодневно осмысливались слова видного терапевта прошлого У. Ослера: «Практика медицины – искусство, а не ремесло! Призвание, а не коммерческое дело! Призвание, требующее от вас полной отдачи не только ума, но и сердца!»

Так вот, поскольку больной стонал и постоянно домогался присутствия всех врачей, Андрей пригласил на консультацию невропатолога – молоденькую, маленькую, кругленькую, улыбчивую, с ямочками на розовых щечках Раечку. Та также никакой объективной патологии у больного не установила, но назначила энцефалографию (по тем временам редкое исследование, проводившееся только в областной больнице). Заведующий отделением был в это время на курсах повышения квалификации. По приезде (через пять дней после поступления инвалида), он собрал сотрудников для общего обхода палат. Спросил о сложных в диагностике больных. Андрей рассказал о пучеглазом нытике, высказав свое мнение: «Жалобы не обоснованы! Наверное, хочут повысить группу инвалидности, просто настырный симулянт!» Не успели врачи обсудить ситуацию, как в дверь вошла старшая медсестра с историей болезни в руках.

– Александр Иванович! Кто на больного будет писать посмертный эпикриз? Я только что подошла к нему, он не дышит!

Андрей быстро вышел в отделение, чтобы зафиксировать смерть пациента, и тут же вернулся в ординаторскую. Александр Иванович пробурчал: «Ну, что? Как в анекдоте: симулянт скончался?» Андрей затянулся сигаретой, Раечка искривила губы и отвела в сторону глаза, обычно направленные в самое сердце собеседника. «Может, это просто отек мозга? Или энцефалопатия? Ведь основной диагноз по амбулаторной карте у него эмфизема легких и легочно-сердечная недостаточность?» – прощепетала Раечка. «А куда деть головную боль, в которую я не поверил?» – неожиданно дрожащим голосом произнес Андрей.

– «Ну, что будем писать? Какой заключительный диагноз? Опять будет расхождение?»

Александр Иванович понимал, что не в диагнозе дело, что за этот период времени и в клинике бывает трудно поставить диагноз. Сам подход не верен! Где презумпция невиновности пациента в своей болезни? Почему мы не доверяем тем, кто ждет от нас помощи? Конечно, найдутся в этом мире и симулянты, и жалобичики – кверулянты, но из-за них не должно уменьшаться в интенсивности главное чувство, которым призван обладать врач, – сострадание к больному.

В дальнейшем, при патологоанатомическом вскрытии этого инвалида, обнаружена гигантская опухоль головного мозга, оперативному лечению она уже не подлежала, была давностью в несколько лет. По мере роста опухоль сдавливала мозговые структуры, причиняя невыносимые страдания. Было чему болеть!

Стас взял трубку телефона, набрал номер ГАИ – там у него все инспектора были знакомые, чтобы уточнить обстоятельства дорожного происшествия. Но ответил дежурный: «Сейчас все на выезде, и начальник тоже! Под Петровкой с косогора высотой метров в десять свалился виновоз из Крыма. Хорошо, что шел пустым из Москвы. Молодежь из деревни отмечала какой-то свой деревенский козырной праздник и нетрезвой ватагой человек в пятнадцать перегородила дорогу. Водитель, чтобы не

сбить их, вынужден был свернуть резко вправо и уйти по склону к пруду. По радиии сообщили, что он жив, весь переломан, и без сознания. Скоро будет у вас!»

– Работенка предстоит «сурьезная»! Что-то долго анестезиолога нет! Саш, если понадобится, а понадобится наверняка, может, опять заинтубируешь, дашь наркоз, а?

– Хорошо, но опять главша будет слюной брызгать! У меня же «корочек» анестезиолога нет! Это, когда я в областной больнице специализацию по ЭКГ проходил, подучился. Правда, раньше с четвертого курса приходилось: и оперировать, и интубировать, и масочный эфирный наркоз давать!

– Знаешь, мне с тобой спокойней! А то пьяный анестезиолог лучше, что ли?

– Ладно, дождемся, сориентируемся по месту. Главное, чтобы довели благополучно. На нашей «буханке», сам знаешь, каково! Через пять километров кишки от сальника начинают отрываться! А тут политравма: руки, ноги, голова! А если позвоночник?

– Ничего! На «скорой» сегодня Лариса Васильевна. На ее фронтальной опыт можно положиться! Она всякое повидала!

За окном завывала сирена. Выглянув в окно, Стас увидел вереницу машин: больничный УАЗик, три милицейских «козла» и «Москвич» начальника ГАИ. На ходу, надевая халат, он бегом направился вниз по лестнице в приемное отделение. Александр Иванович двинулся в сторону операционной, где уже хлопотали медсестры и санитарки, готовясь к операции. Он проверил наркозный аппарат, наличие медикаментов для внутривенного обезболивания, давление в баллонах с записью азота и кислорода.

Послышалось кряхтенье и сопенье гаишников, поднимавших по лестнице пострадавшего, периодически покрикивавших друг на друга неистребимыми из русской речи матюгами.

– Ты, б..., какого х..., сачкуешь? Поднимай свой край повыше!

– Возьмись за носилки сбоку, твою мать!

Наконец, они оказались в дверях операционной. Стас «гармошкой» от переносного кислородного аппарата делал на ходу искусственное дыхание.

– Саш! Надо срочно справиться с шоком! Противошоковая жидкость есть? Делай обезболивание! Дежурит, оказывается, не

Лариса Васильевна, она отпросилась на поминки, а Зинка. По молодости растерялась, кроме промедола, ничего не успела ввести, да и иммобилизацию сделала кое-как! Ревет сейчас в при-емном!

Пострадавший был без сознания. Неумело наложенный жгут на правое бедро только чуть приостановил кровотечение из рваной раны в нижней трети. Кровь пульсировала. «Повреждена бедренная артерия, видимо, отломками кости! Надо срочно остано-вить!» – констатировал Стас, выделяя главные поврежде-ния, опасные для жизни, и заодно определяя очередность опера-тивных вмешательств. Действительно, не естественно располо-женное правое бедро свидетельствовало об открытом переломе. Определялись также видимые деформации левой плечевой кос-ти, ключицы, почти полностью было оторвано левое ухо. Как потом оказалось, в кабине у ног водителя лежал тяжелый дом-крат, который и раздробил правое бедро на мелкие осколки.

Дальше началась обычная многочасовая работа. Остановка кровотечения, выведение из шока, возмещение кровопотери, иммобилизация – обеспечение неподвижности костных отлом-ков. В процессе операции дважды фиксировалась остановка сердца. Пришлось прибегнуть к дефибрилляции при помощи переносного электрокардиостимулятора–дефибриллятора, кото-рый только месяц назад был приобретен Александром Ивановичем (по благу) в «Медтехнике» (за два мешка картошки, трех-литровку спирта и обещание привезти на Новый год елку) для задуманной им палаты интенсивного лечения, тогда имевшейся только в областной больнице. Вот он и пригодился в операци-онной! А как не хотела главша подписывать счет! «Зачем это надо? Кто будет им пользоваться? Пустая трата денег!» Показа-тели кровообращения постепенно стабилизировались. Появи-лась возможность вытереть пот и поговорить.

– Вот видишь, хорошо, что ты остался! Всякое могло быть, честно, я не думал, что удастся запустить сердце во второй раз! Когда ты успел притащить дефибриллятор?

– Так я еще дня четыре назад поставил его в операционную! Тогда еще у гинекологов была какая-то сложная операция. Пом-нишь, из области Мария Ивановна приезжала? Ну, когда мне пришлось сдать кровь в День донора – грамм пятьсот, а потом

еще во время их операции около литра от меня напрямую перелили. Я дежурил, а у гинекологички с кровопотерей была тоже первая группа. Когда Мария Ивановна узнала, что утром я уже сдавал кровь, ругалась по-черному! Посоветовала быстрее выпить спирт с пятипроцентной глюкозой. Ну, добрый глоток я сделал и совсем не захмелел. Да и вообще ничего не почувствовал!

– Как бы там не было, как говорят немцы: «Ende gut! Alles gut!» Конец хороший – все хорошо! Звучит лучше, чем «Все хорошо, что хорошо кончается!» Давай еще раз просмотрим назначения! Кстати, ухо я ему все-таки пришил! Мужик симпатичный, видать – фронтовик! Как домой вернется с равным ухом?

– Не боишься, что заживать будет вторичным натяжением? Лучше погодить, там было все в масле, грязи!

– Ты знаешь, рука у меня легкая! Рану хорошо обработал перекисью! Если завтра придет в себя, надо отвезти на рентген! Кажется, и таз у него сломан, да и закрытая черепно-мозговая травма – будь-будь! Так и буду вести! Хорошо, если субдуральной гематомы нет!

Определив пациента в палату, наладив круглосуточное наблюдение (для чего пришлось вызвать медсестер из терапии, которые отдыхали после смены), Стас и Александр Иванович зашли в ординаторскую. Вечерело. Из окна доносился шум машин, взывающих на подъемах шоссе, но ветер был свежим, пахнущим какими-то цветами, озоном после дождя и, конечно, хлорамином.

– Ты, смотри, часов восемь провозились! Домой пойдешь?

– А что там делать? Лучше тебе помогу. Дежурство только начинается!

– Да уж! Смотри, не накарай!

Ночь прошла без поступлений, но спать коллегам не пришлось. Надо было следить за прооперированным водителем: катетеризовать мочевого пузыря, измерять давление, вызывать невропатолога, чтобы сделать спинномозговую пункцию и снять психомоторное возбуждение, лаборанта для контроля показателей крови. После вечернего обхода Стас занялся написанием истории болезни. Александр Иванович помогал ему.

Прошло полгода. Наступил долгожданный день выписки. Пострадавшего водителя звали Николай Алексеевич. Он работал на массандровском винном заводе, гремевшем на весь Советский Союз. История его жизни была запутанной. В четырнадцать лет он попал в плен, находился в концлагере, выучил немецкий язык, по окончании войны выучился на шофера и с тех пор постоянно за баранкой. Имел награды «за доблестный труд». К нему привыкли все сотрудники больницы, подкармливали его домашними яствами: отварной картошкой с маслом, ароматной селедочкой, жареным мясом, пирожками с печенкой, квашеной капустой с оранжевыми каплями морковки, бочковыми солеными помидорами. Он пришел в сознание на пятые сутки. Быстро пошел на поправку и довольно уверенно начал передвигаться на костылях. Алкоголь не употреблял совсем. Со Стасом сдружился мгновенно, став ему старшим братом. Очередной виновоз, шедший пустым из Москвы, забрал Николая Алексеевича, которого провожал почти весь коллектив больницы.

Как-то Стас и Александр Иванович в очередной раз в субботу поехали с друзьями на близлежащее озеро, вооружившись боевой сетью, ведром картошки, десятком луковиц, стаканом пшена, солью, перцем, и тремя бутылками «Столичной». Затевавшая неповторимая уха, потому что по дороге запасы пополнились уже ошипанным петухом размеров с индюка, который был куплен у знакомой фельдшерицы, так пополняющей свой семейный бюджет. А, значит, уха виделась «императорской», со всеми вытекающими последствиями. Поэтому в деревенском магазине был дополнительно приобретены еще три бутылки «Зверобой». Ну, а на всякий случай, в канистре Стаса плескалось литра два «ректификатика».

Рыбалка удалась на славу. Десятка два карасей, ершей и прочей рыбной мелочи должны были стать основой творения гастрономического чуда. Уже шипела яичница на вкуснейших шкварках, поднимаясь над уровнем сковороды. Собравшись вокруг Стаса, все стали наблюдать за процессом приготовления ухи, не забыв, конечно, под яичницу побаловаться «аперитивом», в качестве которого выступал «Зверобой». Берега озера поднимались метров на пять над уровнем водной глади, нахо-

дившейся на месте бывшего карьера, перегороженного плотинной. Откуда-то сверху послышался звук заглушаемого мотора.

– Наверное, к нам еще кто-то прибыл! Саш! Посмотри, кто там и зови сюда, уши на всех хватит!

Из зарослей орешника показались два незнакомых человека с двадцатилитровой канистрой, нанизанной ручкой на крепкую палку, за которую держались двое. Сзади медленно спускалась заплаканная медсестра Мария Петровна. Выйдя на ровное место у костра, незнакомцы поставили канистру на землю.

– «Кто здесь Станислав Николаевич?» – спросил старший из них.

– Я, а что случилось?

– Эту канистру с лучшим коньяком Массандры вам и вашим коллегам передал мой друг, Николай – водила, которого вы спасали. Сказал, что больше ничем не может отблагодарить врачей за такое доброе отношение к нему. Только его с нами больше нет! В течение года после аварии он перенес кучу неприятностей. Ушла жена. Против него возбудили уголовное дело, обвинив в аварии и требуя возмещение материального ущерба, невзирая на группу инвалидности. Все это – по инициативе его бывшего друга, Героя Социалистического труда, директора винзавода, снабжавшего некоторых членов Политбюро и самого Генсека КПСС старыми сортами бесценного коньяка. Николай записался к нему на прием, ждал неделю. Потом ждал в приемной. Беседы у них не получилось, но удалось договориться об уменьшении размера компенсации за разбитую машину. Правда, и эту сумму Николай не мог выплатить на мизерную пенсию. Все предоставленные им из вашего ГАИ справки в суде действия не возымели. Давление любимчика Генсека было куда мощнее! Наш друг попросил его только дать возможность отблагодарить коллектив далекой больницы хотя бы продукцией винзавода. «Ладно!» – сказал директор: «Только за твой счет!» Николай согласился, позвал нас и попросил отвезти канистру своим спасителям. Никогда не пивший, он вдруг запил по-черному и через два дня повесился на воротах своего недостроенного дома, откуда был хорошо виден винзавод.

Минут пять никто не мог сказать ни слова. Потом Стас поблагодарил незнакомцев, налил всем по стакану водки. Выпили

за упокой души еще одного униженного, но не сдавшегося человека, перенесшего тяготы концлагерей, но не вытерпевшего людской подлости.

Стас взял канистру, подошел к берегу и медленно вылил ее содержимое в воду, окрасившуюся в цвет запеченной крови. Потом вытащил из кармана помятую пачку сигарет и закурил, прищуривая веки, чтобы скрыть наполнившие глаза слезы.

2007

СОДЕРЖАНИЕ

Какие наши годы?

Честь имею!	4
Соседям	5
С Новым годом!	5
Ровесникам века	6
Размышления на природе	7
Коровы на снегу	8
Что желают женщине?	10
Опять восьмое!	10
Ханука	11
Осеннее прощанье	12
Москвичам	13
Диета в отелях	14
Навеяло	14
Год крысы	15
Путь путника и грифа	17
Время хаоса	17
Свои и чужие	18
Весна прошла	19
Тост	20
Деловой женщине	20
Лезгинка	21
Восьмимартовское	22
Женщине семейной	23
Дружеская уха	24
Застольная молитва № 1	24
Застольная молитва № 2	26
Восьмое марта и немного критики	27
В Ясной Поляне	28
«Волн искрящихся волнение...»	29
Корыта	30
Бочаров ручей	31
Дождь в Сочи	32
На даче Берии	33
Где ответ на вопрос?	34

Родным, как друзьям и друзьям, как родным

Три аккорда	36
Сестренке	36
Стиховой	38
Турнир памяти Фризена	39

На восемнадцатый день	
со дня рождения	40
Женщине в месяц козерога	41
И снова отмечаем юбилей	41
Главному врачу России	42
Свадебное	44
А.З.Г.	45
А.Ю.Б.	47
Ромке	48
Кто и что не дают мне покоя	49
Совпадение воскресения и рождения	50
С.С.Н.	51
Черчесову	52
В.А.Х.	53
Натарову	54
Ф.Г.	55
С днем рожденья!	57
Грачику	58
Свадебный тост внуку	59
Р.С.К.	61
Кожевниковой Татьяне	62
Любе	63
О.Л.	64
Л.И.К.	66
Д.Ф.Х.	67
Юбилейное	68
Калоеву	68
Козыреву	68
Пагиевой	69
Тедееву	69
Дидаровым	69
Поповой	70
Купееву	70
Цогоеву	70
Другу	71
Р.Ю.А.	71
Два в одном флаконе	72
Первая страница	73
Ю.Н.С.	74
Тост	75
Л.И.К.	76
Прощай, тысячелетие второе!	
(отрывок из поэмы)	76
Борису Ивановичу Леонову	79

Технологическому – 70!	80
Константину Викторовичу!	
Великому победителю!	80
Татьяне Васильевне Зарубиной	82
Кореньковой Гале	83
Другу на семидесятилетие	83
30 лет	84
Четыре четверки	85
Вперед!	86
На смерть Василия	87
Сороковины	89
Ушедшей	90
На смерть Лашнева С.Т.	91
Пока дышу, надеюсь!	92
Серебряным юбилярам	93
Молодому, пятидесятилетнему	94
Негайное, юбилейное	95
Бакланы внесены в «Красную книгу»	96
Валерию Алферову	96
Вопросы для единого госэкзамена (ЕГЭ)	97
Бродовскому Валерию	99
Каменеву	100
Опять Болясов родился!	101
Шурики	103

Проза

Дорога на Домодедово	106
Дружба	112
Жулик	118
Неразгаданная загадка	123
Травма, несовместимая с жизнью	131

Литературно-художественное издание

А. Хадарцев

**БЕСПОКОЙНОЙ ЖИЗНИ
ЗАКОУЛКИ**

Стихи и проза